

87Р
С-68

АНАТОЛИЙ
СОФРОНОВ

УЧЕБНИК

Анатолий СОФРОНОВ
Портрет работн художника
А. Яр-Кравченко

АНАТОЛИЙ СОФРОНОВ

Стихи
и
мечта

СЛОВО СТАЛИНА

*«Корабль революции поднял
паруса и понесся к свободе.
Этот корабль ведет российский
пролетариат».*

И. СТАЛИН

I

Все, о чем нам когда-то мечталось,
Все, что вызрело в трудной борьбе,
Все, что дорого мне и тебе, —
Всем нам кладом бесценным досталось.
В книгах Сталина мудрые строки,
Указав нам дороги и сроки,
Небывалым высоким накалом
Вразумили на нашей судьбе.

Все, что с Лениным Сталин задумал
Перед бурей в суровые дни,
Разгорелось, как ночью огни
В Туруханском краю и в Батуме;
Через годы подполья и ссылки,
Не колеблясь в пути на развилке,
Освещенные мудрою думой,
Шли, как воины, в битву они!

Не дневник, что писал очевидец,
Перед нами лежит на столе, —
Это правда о нашей земле,
Что сказал гениальный провидец,

Горизонт нам раскрывший, как море,
В мир ступивший из города Горн, —
Вождь народа, отец, полководец,
Он встречает нас нынче в Кремле!

Ты подымешь крыло переплета
И тогда на любой из страниц
Ты увидишь сиянье зарниц:
Это — знамя тебе для работы,
Это — карта тебе для дороги,
Это — доблесть и мужество многих,
Это — крылья тебе для полета
И простор для мечты без границ!

II

Так фундамент кладут. Ряд за рядом,
День за днем и — подымется дом.
Так стреляют, снаряд за снарядом,
Дальнобойным прицельным огнем.
Так и было великий Строитель,
Расширяя боев рубежи,
Под огнем создавал чертежи, —
Мудрый зодчий, стратег и воитель.
На обломках, в дыму баррикад
Слово партии било в набат.

Это было сражение и стройка
Новый день подымался в стране;
Позади семинарская койка.
Впереди — вся Россия в огне.
Петербург, Ярославль и Рига,
Златоуст, Кишинев и Москва,
К вам летят из Тифлиса слова:
Так росла, так печаталась книга
Нашей жизни и нашей судьбы,
Нашей правды и нашей борьбы!

Пятый год. Боевое подполье.
Демонстраций и стачек разлив, —
Словно яростный бой на предполье
Перед тем, как ворваться в прорыв.
Вот и выросло войско из горсти,
Самодержицу погибель неся.

В декабре повстречались друзья —
Сталин с Лениным в Таммерфорсе.
Это было зимой. Падал снег.
Человека узнал Человек.

И не просто здесь — дата за датой —
За статьями — другие статьи, —
Здесь победы великой солдаты,
Что вели непрерывно бои...
Не солдаты они — полководцы,
Нас ведут и сегодня они. —
Негасимые правды огни,
Голос их до сих пор раздаётся,
Голос чести всегда боевой,
Голос мужества, вечно живой!

III

«... после того, как наша партия превратилась в централизованную организацию, она сбросила с себя патриархальный облик и полностью уподобилась крепости, двери которой открываются лишь для достойных».

И. СТАЛИН

Среди скорбных музейных реликвий,
Как бессмертного подвига след,
Под стеклом я увидел залитый
Алой кровью партийный билет.
Был он пулей пробит иль осколком,
Я не знаю, но здесь, в тишине,
Он напомнил, как памятник, мне
Все, что было над русскою Волгой,
Над бегучим Донцом, над Днепром,
Где ходил перекатами гром.

Кто он был, большевик безымянный?
Где он вырос и кто воспитал
В нем героя трудов неустанных?
Доблесть воина кто ему дал?
Кто готовил для подвигов славных?
Кто его для победы взрастил?

Кто пред ним все дороги открыл,
Научил быть в труде равноправным?
Кто направил движение руки?
Сталин, партия, большевики!

Так рождались победы истоки,
Голос правды в России крепчал;
Раскаленные страстные строки
Шли по руслу великих начал.
Несгибаемость воли партийной,
Ясность цели, движение вперед, —
Пролетарии вышли в поход.
Не сдержать эту силу плотиной,
Никому никогда не сломить,
Не сковать и огнем не спалить!

Так воспитывал партию Ленин
На борьбу, на большие дела,
И незримая связь поколений
Меж сердцами, как провод, прошла.
Так воспитывал партию Сталин,
Звал к победе и к жизни другой
Прокламации красной строкой,
Предсказанием грозных баталий,
От которых навеки потом
Рухнул наземь романовский дом.

...И когда на музейной витрине
Я увидел пробитый билет, —
Кровью политый, был он святыней,
Излучавшей невиданный свет.
Бог откуда прошла через годы,
Через думы, дела и сердца
Эта смелость и сила бойца,
Эта преданность делу народа,
Эта верность отчизне своей,
Кровь и дооблесть ее сыновей!

Так стоит нерушимая крепость,
Как скала, как утес, высока,
И уже подымается эпос
О победах ее в облака,
О Строителе крепости этой,
О мудрейшем из мудрых вождей,

Озарившем нас солнцем идей,
Полных радости, счастья и света.
Крепость партии — крепость страны;
Этой крепостью все мы сильны.

IV

*«...для победы пролетариата
необходимо объединение всех
рабочих без различия на-
циональности».*

И. СТАЛИН

На Маркотхском крутом перевале,
Где, как башни, седые зубцы,
Словно врытые в землю, стояли
Батальона морского бойцы.
Над зеленою бухтой Цемесской,
Над кипящей от взрывов водой
Батальон был последней грядой
Против яростной силы немецкой;
Он, казалось, взойдя на откос,
Здесь, как памятник мужеству, врос.

Были в нем москвичи, киевляне,
Кутаисцы, таджики, донцы, —
Равноправные воины в стане,
Нашей родины светлой бойцы.
Кровь грузина сливалась с русской,
Белорусс латыша бинтовал
Неприступно стоял перевал,
Освещаемый зорями тускло, —
И на нем батальон, как гранит,
Был единою дружбою слит.

Корни дружбы сплетаются тесно,
Их питает источник один,
Он проходит под Красною Пресней,
Под песком самаркандских долин,
Среди сосен Карелии мшистой,
Под землей возрожденной Литвы, —
Он несет отраженье Москвы
В каждой капле, как солнце, лучистой,
Словно в озере, видит земля
Отражение башен Кремля.

Эта дружба рождалась в сраженьях,
На заре пролетарской борьбы;
Этой дружбы железные звенья
Слиты прочно из нашей судьбы.
Шли на приступ мы фронтом единым, —
В слове Сталина — партии мысль:
Вместе трудишься — вместе борись,
Преисполнишься доблести львиной;
Тот, кто дружбу в боях сохранит,
Мир насилья и тьмы победит!

Вот откуда идут эти корни,
Что плоды нам сейчас принесли:
Дружба наций в отчизне просторной —
Сила нашей советской земли.
Сколько встреч было в залах кремлевских!
Собиралась большая семья, —
И в труде, и в сраженьях друзья;
Под лазоревым небом московским,
Под рубиновым пламенем звезд
Каждый был и радушен, и прост.

Нас пытались друг с другом рассорить,
Дружбу нашу пытались разъять...
Легче вычерпать ложкою море
И песчинки пустынь сосчитать;
Легче горы высокие сдвинуть,
Звезды в небе навек погасить,
Чем заставить по-старому жить
И народы друг друга покинуть!
Нерушим наш союз боевой,
Озаренный, как солнцем, Москвой!

Потому на крутом перевале,
Где, как башни, седые зубцы,
Словно врытые в землю, стояли
Батальона морского бойцы.
И когда перешли в наступленье,
Локоть к локтю в железных рядах,
Русский был, и грузин, и казах —
Прочно слитые дружбою звенья,
Что в суровом военном огне
Закалились, окрепли вдвойне.

Мы любые пройдем перевалы,
Как гвардейский морской батальон;
Озаряют нас пламенем алым
Стяги славных советских знамен.
Нас питают чудесные корни,
В них бессмертные соки живут —
Единение, творчество, труд,
Дружба наций в отчизне просторной.
То что в строки, как зерна, легло,
А потом, словно сад, расцвело!

У

Как в моря собираются реки,
В закрома — золотое зерно, —
Так в великом одном человеке
Слиты помыслы наши в одно.
Это сталинской мудрости строки
В Конституцию нашу вошли,
Сердце светлою верой зажгли,
Повели по дороге широкой
И добыли в суровой борьбе —
Жизнь и счастье, товарищ, тебе!

И тебе, молодой победитель,
Что от Волги до Шпрее прошел;
И тебе, пятилетки строитель,
Что фундамент завода возвел;
И тебе, белорусский крестьянин,
Вновь поднявший загубленный сад;
И тебе, пожилой депутат,
Что в работах всегда и в исканьях, —
Светит солнцем великих побед
Конституции Сталинской свет.

За нее мы в жестоких сраженьях
Шли на приступы вражьих твердынь;
За нее мы в огне наступленья
В битвах падали навзничь в полынь;
За нее мы на камнях Бреслау,
Бастионы и доты круша,
Дымом черным, тяжелым дыша,

Добывали бессмертную славу.
Так вела нас сквозь пламя войны
Конституция нашей страны!

Ты прочти ее первые строки,
Ты последние строки прочти, —
Сколько мыслей простых и глубоких
Осветят тебе в жизни пути!
Будут дети твои, будут внуки
Жить счастливо в родной стороне,
Так булат закаляют в огне
И вручают в надежные руки,
И хранит он в труде и в бою
Твой очаг и отчизну твою.

Как в моря собираются реки,
В закрома — золотое зерно, —
Так в великом одном человеке
Слиты помыслы наши в одно.
Наши думы, труды и свершенья,
И мечты, воплощенные в явь.
В каждой букве звездой засияв,
Дум высоких легли отраженьем.
Светит солнцем грядущих побед.
Конституции Сталинской свет!

VI

Мой товарищ, мой друг, современник!
Нам с тобой к коммунизму шагать,
Нам с тобою работать, искать
На высокой волне вдохновенья;
Быть достойным великого дела,
Быть настойчивым, умным и смелым,
Каждым взглядом и сердца биеньем
Быть похожим на Родину-мать.

Мой товарищ, твой труд драгоценен, —
Где б ты вахту свою ни держал, —
Где б ни плавал, куда б ни взлетал, —
Ты отмечен высоким гореньем,
И в любой незаметной работе

Ты — как летчик в далеком полете,
Что ведет с небывалым умением
Окрыленный гудящий металл.

И ты всюду, — разведчик-геолог,
Землю взглядом хозяйским обняв,
Ты идешь над разливами трав;
Ты идешь, — открывается поллог. —
И ты видишь глазами поэта
Небывалые краски рассвета;
День встает, он прекрасен и молод,
Солнце в травах густых разбросав.

Но дойдем до него мы не просто, —
Верный делу всегда своему,
Ты дорогу проложишь к нему
И в пути поработаешь вдосталь;
Пусть рубаха намокнет от пота,
Ты пройдешь и тайгу, и болота, —
Путь по силе тебе и по росту,
И по сердцу, мой друг, твоему!

Этот путь был не просто угадан,
Он сквозь прошлого дебри пробит,
Он испытан стратегией битв,
Он огнем закален Сталинграда.
~~Этот путь был не просто угадан~~
Вместе впереди Ленин и Сталин;
Через ссылки, тюрьму, баррикады
Путь к победам был ими открыт!

Мой товарищ, мой друг, современник,
Нам оружие в руки дано,
Не стареет с годами оно,
Вдохновляя на труд поколенья.
Ты выходишь, как пахарь, на землю,
Слову каждому вещему внимая,
И ты смотришь, ты видишь с волнением —
Всходит, каждое всходит зерно.

Мой товарищ, нам вместе с тобою
Жить, работать, учиться,
Голубые рассветы встречать,

Слышать голос морского прибоя,
Быть настойчивым, умным и смелым
И всегда и везде без предела
Сердцем, взглядом, своею судьбою
Быть похожим на Родину-мать.

...Ты подымешь крыло переплета —
И тогда на любой из страниц
Ты увидишь сиянье зарниц;
Это — знамя тебе для работы,
Это — карта тебе для дороги,
Это — доблесть и мужество многих,
Это — крылья тебе для полета
И простор для мечты без границ!

Так в дорогу, товарищ, смелее,
Впереди не один переход,
Пятилетка на стройки зовет;
Знамя славы над нами алеет,
Открывает народам Отчизна
Путь широкий в сады Коммунизма,
Слово Сталина к счастью ведет!

1946—1947

I

С О В Р Е М Е Н Н И К И

МОСКВА

Москва, Москва! Двадцатое столетье!
Сверкают ярко звезды на Кремле,
И флаг на вышке развевает ветер,
Как выпел на идущем корабле.
Москва уже оправилась от боя,
Над нею небо светлоглубое, —
Оно нам стало вечною судьбою,
Под ним легко ходить нам по земле,
Дышать и петь
Под музыку, под медь
И видеть звезды счастья на Кремле.

Москва, Москва! Выходим мы на площадь, —
Отсюда видно далеко вперед:
Струятся реки, зеленеют рощи,
Летит над белой тундрой самолет
Кипят ключами бурные пороги,
Залиты светом горные отроги,
Встречаются, расходятся дороги,
И каждая из них к Москве ведет,
Прямым путем
В кремлевский светлый дом,
Откуда видно далеко вперед.

Неузнаваема советская столица,
Она цветет, как над рекою сад,
Над нею ветер юности струится,
Мелодии весенние летят.

Огромная, от края и до края,
Огнями искрометными играя,
Она, как песня, вечно молодая,
И ясен взгляд ее, орлиный зоркий взгляд,
И в шуме дней
Все выше, все стройней
Она цветет, как над рекою сад.

Москва-река струится под мостами,
Под крутизной бетонною, прямой,
Ей все к лицу — и яхты с парусами,
И глиссеры над пенною волной,
Несущиеся, словно стрелы,
С хвостом голубовато-белым,
Чтоб все под ними брызгами кипело.
И ветер подымался скоростной, —
Вот так лететь
И на Москву смотреть
Под крутизной бетонною, прямой...

Мы шли дорогой трудною вначале,
Потом она открылась широка,
Как будто бы волною на канале
Легло раздвинув дни и берега.
Так наша жизнь становится все шире,
И что когда-то значилось в пункте,
Теперь возшло, обосновалось в мире
И будет жить и здравствовать века,
Сиять огнем
Все ярче с каждым днем, —
Теперь дорога наша широка!

Москва, Москва! Двадцатое столетие!
Сверкают звезды алые Кремля,
И флаг на вышке развевает ветер,
И кормчий неусыпный у руля!

1947

Огромная, от края и до края,
Огнями искрометными играя,
Она, как песня, вечно молодая,
И ясен взгляд ее, орлиный зоркий взгляд,
И в шуме дней
Все выше, все стройней
Она цветет, как над рекою сад.

Москва-река струится под мостами,
Под крутизной бетонною, прямой,
Ей все к лицу — и яхты с парусами,
И глиссеры над пенною волной,
Несущиеся, словно стрелы,
С хвостом голубовато-белым,
Чтоб все под ними брызгами кипело —
И ветер подымался скоростной, —
Вот так лететь
И на Москву смотреть
Под крутизной бетонною, прямой...

Мы шли дорогой трудною вначале,
Потом она открылась широка,
Как будто бы волною на канале
Легло раздвинув дни и берега.
Так наша жизнь становится все шире,
И что когда-то значилось в пункте,
Теперь возшло, обосновалось в мире
И будет жить и здравствовать века,
Сиять огнем
Все ярче с каждым днем, —
Теперь дорога наша широка!

Москва, Москва! Двадцатое столетие!
Сверкают звезды алые Кремля,
И флаг на вышке развевает ветер,
И кормчий неусыпный у руля!

1947

МАРШ ПОБЕДИТЕЛЕЙ

Мелодии победные
Играют трубы медные,
Блестят под солнцем светлые
Кинжалные штыки.
Шумят сады зеленые,
Лучами озаренные.
Идут краснознаменные
Берлинские полки.

От Эльбы и от Одера
Они вернулись бодрые,
Они вернулись гордые
От иноземных рек.
Земли своей хранители,
Солдаты-победители,
Они такое видели,
Что не забыть вовек!

В огне, почвами звездными,
Под ветрами морозными
Они дрались у Познани
Под свист немецких пуль.
Штурмую вражью сторону,
Они дрались под Горунию,
Сметая силу черную,
Бывались в Цейндорфе.

Сражались под Остравой,
Под братской Братиславой
И воевали славою
Знамена и штыки,
Подгивские, Варшавские,
Смоленские, Одесские,
Орловские и Львовские,
Берлинские полки.

Они идут, подтянуты,
Ремнями френчи стянуты,
И на груди брильянтами
Сверкают ордена.

На них глядит любимая,
В огне неопалимая,
В войне непобедимая
Советская страна.

Под славными знаменами
Все знают поименно их,
Под красными знаменами
Герои рождены,
Уральские, байкальские,
Московские, ростовские,
Бакинские и минские —
Со всей страны сыны.

Ликующие, светлые,
Они идут под ветрами,
И Сталин их приветствует
Поднятием руки —
Полтавские, Варшавские,
Смоленские, Одесские,
Орловские и Львовские,
Берлинские полки.

1945

ОГНИ ПЯТИЛЕТЬИ

Товарищ, раскроем окно и увидим
Далекое море в солнечных лучах,
Вокзалы и порты в тяжелом граните
И цемент на теплых еще кирпичах.

Увидим под небом высокие домны,
Железных конструкций гудящий ажур,
Услышим, как ветер гуляет бездомный,
Как тополь шумит, по весне белокур.

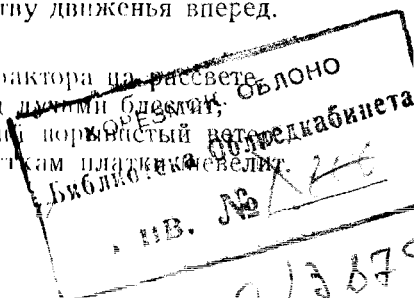
Услышим звенящую песню металла,
Почувствуем жаркую душу земли,
И все, что желали, о чем нам мечталось,
Предстанет чудесным виденьем вдали.

Попробуем жадной рукою наощупь,
Посмотрим хозяйски на каждый пролет,
На новый поселок, на новую площадь, —
На все, что о будущем нашем поет.

Где мы были и чему трудно и долго,
И многие с нами в рядах не дошли:
Ушли у Дона, остались у Волги,
На пыльных суглинках приволжской земли.

На рук их пожитье мы помним поныне,
На полях сегодня в работе живет
Мы память о павших храним, как святыню,
Как крестную клятву движения вперед.

Гудит на полях трактора на рассвете
Роса на траве под лучами блестят,
Веселый, андонский порывистый ветер
И стени трактористам платки навевает.

Они идут, подтянуты,
Ремнями френчи стянуты,
И на груди брильянтами
Сверкают ордена.

На них глядит любимая,
В огне неопалимая,
В войне непобедимая
Советская страна.

Под славными знаменами
Все знают поименно их,
Под красными знаменами
Герои рождены,
Уральские, байкальские,
Московские, ростовские,
Бакинские и минские —
Со всей страны сыны.

Ликующие, светлые,
Они идут под ветрами,
И Сталин их приветствует
Поднятием руки —
Полтавские, Варшавские,
Смоленские, Одесские,
Орловские и Львовские,
Берлинские полки!

1945

ОГНИ ПЯТИЛЕТЬЯ

Товарищ, раскроем окно и увидим
Далекие дали в полдневных лучах,
Вокзалы и порты в тяжелом граните
И цемент на теплых еще кирпичах.

Увидим под небом высокие домны,
Железных конструкций гудящий ажур,
Услышим, как ветер гуляет бездомный,
Как тополь шумит, по весне белокур.

Услышим звенящую песню металла,
Почувствуем жаркую душу земли,
И все, что желали, о чем нам мечталось,
Предстанет чудесным виденьем вдали.

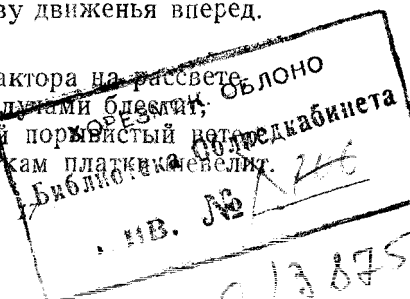
Попробуем жадной рукою наощупь,
Посмотрим хозяйски на каждый пролет,
На новый поселок, на новую площадь, —
На все, что о будущем нашем поет.

Товарищ, мы шли к нему трудно и долго,
И многие с нами в рядах не дошли:
Упали у Дона, остались у Волги,
На дымных сушинках приволжской земли.

По рук их пожатью мы помним поныне,
Их подвиг сегодня в работе живет,
Мы память о павших храним, как святыню,
Как кровную клятву движенья вперед.

Гудят на полях трактора на рассвете
Роса на траве под дулами блеснет,
Веселый, задонский порывистый ветер
В степи трактористам платки шевелит.

Изд. 1961. А. Софронов.

Встают над полями весенние всходы,
В работах великий советский наш край,
На радость Отчизне, на счастье народу
Растет небывалый еще урожай!

И нашей судьбою, и нашим призванием
Встает над землей созидательный труд.
Огни пятилетки, как солнца сиянье,
На подвиг, на подвиг, товарищ, зовут!

1946

ВЕСНА ТРАКТОРИСТОВ

Когда над вечными просторами
Ручьи с пригорков запоют
И над степными косогорами
Гулы сине пойдут,

Призывным рокотом заполнится
С утра весенняя земля,
Из МТС — стальные конница —
Бригады выйдут на поля.

В оврагах будут воды талые
Звенеть под тоненьким ледком. . .
А здесь косынки вспыхнут алые
В степи лазоревым цветком.

Здесь трактористки с трактористами
Идут в стахановском ряду,
Чтобы пшеница золотистая
У мира не стала на виду.

Чтобы широкие, бескрайные
Поля, из года в год светлей,
Шумели песней урожайною
Во славу Родины моей.

В лучах плывут просторы дальние,
Шуршит под лемехом земля,
И трактористка, как штурвальная,
Спокойно стала у руля.

Она большого счастья сеятель,
Ведет Отчизну на подъем,
Подруга наша, славный деятель
За государственным рулем.

1948

СКОРОСТНЫЕ САМОЛЕТЫ

Кругом заполнили
Аэродром.
Как будто молнии,
Как будто гром.

Одно мгновение
Летит стрела.
Одно движение —
И вот — ушла!

Пронзила облако,
Прорезала
Стрела ракетная,
Железная.

За нею взоры
Не угонятся.
Пригорки тенью
Не заслонятся.

Пока ты скажешь
Слово краткое —
Она уже
За перекатами.

Летит стрела,
Тебе послушная,
Летит стрела,
Летит над Тушино.

За нею гром
Дорогой тянется,
Под нею дом,
Река и станция.

Но это все
В одно сливается, —
Движеньем это
Называется.

Летит стрела,
Гудит пронзительно
Одну секунду
Приблизительно

Летит стрела,
Прямая самая,
Но впереди нее
Мечта моя!

1947

ДОБЛЕСТЬ

На крутом берегу Сталинграда,
Где израненный тополь расцвел,
Я холодный осколок снаряда
Возле старого дота нашел.

Был он русский, уральской чеканки,
Нес он гибель для вражьей брони,
Пробивая немецкие танки,
Зажигая столбами огни.

Да, такая в нем сила движения
И великая ярость была,
Что прорвала железные звенья
И бетонные стены смела!

Пусть в нем ярость сегодня остыла,
На ладони лежит он без сил,
Доблесть фронта и мужество тыла
Он навеки в себе воплотил.

Пусть сегодня сверкают мартены,
Печи жаркие пышут огнем, —
Это наши железные стены,
За которыми светлый наш дом.

Вечны будут мечты и свершенья,
И незыблемость наших границ,
И добытого мира владенья,
И весеннее пламя зарниц!

ОПУСКАЯ БЮЛЛЕТЕНЬ...

... И, опускаая бюллетень,
Я слезер + ... темного
И жёлтого ... июльский день
И пыльную дорогу.

Припомню дымные леса
У Ярцева и Вязьмы,
Старушек тихих голоса
И в горде гори спазмы,

Противотанковые рвы
И темные перроны,
И пояса вокруг Москвы
Железной обороны.

Все это было и прошло,
Как тяжкий сон летучий.
Но нет, не ветром разнесло
Под Родиною тучи.

Мы были все в одном строю
В грозе, в огне, в ненастье,
В бою за Родину свою,
За жизнь советской власти.

Для нас одна была она
Незыблема и свята.
Как только может быть одна
Присяга у солдата.

Нам никогда не позабыть
Всех тех в грядущем счастье,
Кто отдал жизнь, кто будет жить
В делах советской власти.

ДОБЛЕСТЬ

На крутом берегу Сталинграда,
Где израненный тополь расцвел,
Я холодный осколок снаряда
Возле старого дота нашел.

Был он русский, уральской чеканки,
Нес он гибель для вражьей брони,
Пробивая немецкие танки,
Зажигая столбами огни.

Да, такая в нем сила движенья
И великая ярость была,
Что прорвала железные звенья
И бетонные стены смела!

Пусть в нем ярость сегодня остыла,
На ладони лежит он без сил,
Доблесть фронта и мужество тыла
Он навеки в себе воплотил.

Пусть сегодня сверкают мартены,
Печи жаркие пышут огнем, —
Это наши железные стены,
За которыми светлый наш дом.

Вечны будут мечты и свершенья,
И незыблемость наших границ,
И добытого мира владенья,
И весеннее пламя зарниц!

ОПУСКАЯ БЮЛЛЕТЕНЬ...

... И, опускаая бюллетень,
Я надеюсь на светлого
И жюном, и вольный польский день
И пыльную дорогу.

Припомню дымные леса
У Ярцева и Вязьмы,
Старушек тихих голоса
И в горле горя слезы,

Противотанковые рвы
И темные перроны,
И пояса вокруг Москвы
Железной обороны.

Все это было и прошло,
Как тяжкий сон летучий.
Но нет, не ветром разнесло
Над Родиною тучи.

Мы были все в одном строю
В грозе, в огне, в ненастье,
В бою за Родину свою,
За жизнь советской власти.

Для нас одна была она
Неизблема и свята.
Как только может быть одна
Присяга у солдата.

Нам никогда не позабыть
Всех тех в грядущем счастье,
Кто отдал жизнь, кто будет жить
В делах советской власти.

ДОБЛЕСТЬ

На крутом берегу Сталинграда,
Где израненный тополь расцвел,
Я холодный осколок снаряда
Возле старого дота нашел.

Был он русский, уральской чеканки,
Нес он гибель для вражьей брони,
Пробивая немецкие танки,
Зажигая столбами огни.

Да, такая в нем сила движенья
И великая ярость была,
Что прорвала железные звенья
И бетонные стены смела!

Пусть в нем ярость сегодня остыла,
На ладони лежит он без сил,
Доблесть фронта и мужество тыла
Он навеки в себе воплотил.

Пусть сегодня сверкают мартены,
Печи жаркие пышут огнем, —
Это наши железные стены,
За которыми светлый наш дом.

Вечны будут мечты и свершенья,
И незыблемость наших границ,
И добытого мира владенья,
И весеннее пламя зарниц!

1946

ОПУСКАЯ БЮЛЛЕТЕНЬ...

... И, опуская бюллетень,
Я задержусь немного
И вспомню вновь июльский день
И пыльную дорогу.

Припомню дымные леса
У Ярцева и Вязьмы,
Старушек тихих голоса
И в горле горя спазмы,

Противотанковые рвы
И темные перроны,
И пояса вокруг Москвы
Железной обороны.

Все это было и прошло,
Как тяжкий сон летучий.
Но нет, не ветром разнесло
Над Родиною тучи.

Мы были все в одном строю
В грозе, в огне, в ненастье,
В бою за Родину свою,
За жизнь советской власти.

Для нас одна была она
Неизбежна и свята
Как только может быть одна
Присяга у солдата.

Нам никогда не позабыть
Всех тех в грядущем счастье,
Кто отдал жизнь, кто будет жить
В делах советской власти.

И, опуская бюллетень,
Я задержусь немного
И посмотрю в грядущий день —
Широкую дорогу.

Ее начало — от Кремля,
Где звезды в небосводе,
А дальше — всюду, где земля
Советская проходит.

Где тень ветвей, и шум листвы,
И небо голубое,
Где — пусть далеко до Москвы,
Но все равно — с Москвою!

Пути широкие ведут
К вершинам коммунизма,
И словно песня, нас зовут
Итти с тобой, Отчизна!

И тот, кто вел нас в трудный час,
К нам обращаясь часто,
Наш Сталин с нами, среди нас,
А значит, с нами — счастье.

Я счастлив тем, что в этот день,
Который солнца краше,
Я опускаю бюллетень
За будущее наше!

1945

КОМСОМОЛЬСКОЕ ПЛЕМЯ

Мы росли на лесах Сельмашстроа,
В Сталинграде на Тракторный шли —
Комсомольское племя, герои,
Дети нашей советской земли.

Становились под красное знамя
И с открытою юной душой
Друг за другом, ряды за рядами
Выходили на подвиг большой.

Наша молодость где не бывала,
Всюду слышался голос ее!
Наша юность такого закала,
Как уральское в пушках литье.

Комсомольское племя, орлята,
Ордена на широкой груди!
Наша юность мечтами богата,
Мы в бою и в труде впереди.

Наша молодость — солнце в зените
И полет в голубой небосвод.
Наша молодость — сотни открытий
И движение вперед и вперед.

От Невы и до тихого Дона,
От Карпат до Курильской гряды
Наша молодость под знамена
В комсомольские стала ряды.

От заставы, где Красная Пресня,
И на тысячи, тысячи верст
Комсомольская звонкая песня
Поднимается в небо до звезд.

Дружно молодость наша готова
Выйти в новый могучий поход.
Слово Ленина, Сталина слово
Комсомольское племя ведет!

Коммунистам идет на подмогу
Из колхозов, заводов и школ,
По-отечески Сталин в дорогу
Направляет родной комсомол.

Путь один наш — за Партией следом!
Слово Партии к счастью зовет.
Комсомольское племя, к победам!
Комсомольское племя, вперед!

1949

СОВРЕМЕННОЕ

Мы мерзли в окопах с тобой под Смоленском,
Брели среди пепла в тиши деревенской,
Мы были под Ржевом, мы были под Мценском,
К Москве отступали в суровую осень,
Топтали на пажитях наших колосья.
Мы дрались за каждую речку, за рошу,
За каждый проулок, за каждую площадь.
Слепыми, метельными, злыми ночами
Мы песни не пели, мы больше молчали, —
Такими мы были когда-то, вначале.

Не будем с тобой вспоминать остановки,
Почные броски и короткие дневки
(Не раз обрывался ремень у винтовки), —
Дубленая кожа, и та протиралась.
А как же солдатской, своей доставалось?
На желтых ладонях бугры да мозоли,
Да ключья шинели на вздыбленном поле...
Еще оставалось далеко до цели,
Еще нам не кланялись минские ели,
А все-таки мы по пути веселели!

Мы шли по лесам и полям опаленным,
Мы рядом сражались и ночью и денно,
Мы знали друг друга в полку поименно,
Мой верный товарищ, мой друг-современник,
Работник, кующий истории звенья.
Всему, что когда-то в салютах звучало,
Ты знаешь, кто дал и конец и начало.
Давай же посмотрим мы мирной порою,
Кто зданье великой победы построил
И кто тебя вывел, товарищ, в герои.

Я помню: гудел экскаватор над степью,
Гремели лопаты, железные цепи,
И пыль подымалась под ветром, как пепел.
Готов котлован был, чтоб ставить фундамент,

Бетон был замешан твоими руками;
Цемент, и песок, и увесистый гравий
Под солнцем степным желваками играли;
Легли арматуры железные ветки,
Петляли по синим путям вагонетки, —
Ты волю свою закалил в пятилетке.

Леса пятилеток — хорошая школа!
Друзья по бригаде — сыны комсомола!
И трудно бывало, а был ты веселым,
И в стужу и в зной выходил ты утрами,
К заводу спешил перелеском, буграми,
Умытый, стриженный, смелый и ловкий.
К заводу спешил ты в рабочей спецовке,
Спешил до гудка ты, траву приминая.
Встречала прохладой тебя проходная,
Знакомая, близкая, просто родная.

Ты был в пионерском отряде горнистом,
Ты был комсомольцем, ты стал коммунистом.
Ты можешь быть слесарем, зодчим, министром —
Любые пути тебе в жизни открыли,
Лишь было бы сердце да были бы крылья,
Да воля большая, да творческий разум, —
Захочешь — добьешься ты многого разом,
Лишь был бы таким, как в отряде когда-то,
Как был в Сталинграде и Ржеве солдатом,
И в песне, и в деле, как сокол, крылатым!

Давно мы с тобой снимали шинели,
Давно мы военные песни не пели, —
А петь их когда-то мы славно умели!
Приходят на смену другие мотивы:
Рокочут станки, поднимаются нивы;
Плывут по просторам, широким, бескрайным,
Рожденные в новых заводах комбайны.
На них у рулей, на железных ступенях
Рожденное в буре войны поколенье —
Ему никогда не стоять на коленях!

Повыцвели в поле у нас гимнастерки,
Но взгляд наш такой же приметливый, зоркий,
И видим мы все, что творится в Нью-Йорке...
Что злобно готовят для нас в Вашингтоне...

По жат на штурвале комбайна ладони,
Глаза и сердца и поступки спокойны, —
Мы были в Берлине, мы видели войны.
Мы мирные люди, советские люди,
Чехлы мы надели на жерла орудий,
Но если тревога — солдатами будем!

Солдатами будем повсюду, доколе
Не кончится битва народов за волю.
За счастье народов, за светлую долю.
Из пепла Отчизну свою подымая,
Трудом вдохновляем народы Китая,
Дорогой идем созидательной, мирной,
И слышат нас в Греции, в Индии, в Бирме.
Когда на трибуне стоим ассамблеи,
Нас слышат в Триесте и слышат в Бомбее, —
И головы вверх подымают смелее.

Мы в первом ряду, современник, с тобою,
Готовы на подвиг, на дело любое,
Судьбою со всем человечеством слиты,
И наши дороги народам открыты.
И слышатся песни Советской России
В Тиране и Праге, Варшаве, Софии,
И смотрят с любовью на нас за кордоном
Рабочие Сены и доков Гудзона,
Мы в первом ряду, современник, и с нами
История встала под красное знамя!

II СТОРОНА ДОНСКАЯ

ЛОЗА

Когда археологи вещие смело
Вскрывали загадки могилы Саркела ¹,
Когда подымали тяжелой лопатой
Пласты чернозема, поросшие мятой, —
Впервые открылся за тысячу лет
Хазаров глубокий потерянный след.

Под коркой земной жернова отыскивали
И зерна, которые хлебом не стали,
Железные стрелы и топоры,
Бубенчики звонкие для игры,
И копья — свидетели трудных побед,
И труды клеименных веками монет.

Звенели лопаты, стояла жарница,
И взору открылось Саркел-городище;
На стенах разрушенных временем башен
Кирпич был тавром лошадиным украшен,
И видно: он печью был в меру нагрет,
Что временем долгим почти не задет.

Когда же открыли исчезнувший город,
Сложили лопаты в железные горы
И долго молчали у старого Дона,

¹ Незадолго перед Отечественной войной на Дону, в районе Цымлянской, советские археологи произвели раскопки древнего Саркел-городища, существовавшего более тысячи лет назад.

Над берегом, вдаль уходящим, зеленым...
Был полдень над степью, и солнечный свет
Горяч был, как прежде, как тысячу лет.

И в сердце бугра осторожно открыли
На каменной глине печать изобилья —
Лозы виноградной извилистый слепок,
Смотревший пустыми глазницами слепо.
И было лозе той за тысячу лет,
Но снова созрела, взглянула на свет.

И вдруг увидала на склонах, на склонах —
Веселые лозы в одеждах зеленых
Над Танаисом¹, лениво шумящим,
Под солнцем полдневным, лучами палящим...
И если из камня сверкнула слеза —
Заплакала, значит, от счастья лоза.

1939

¹ Т а н а и с — древнее название реки Дон.

МЕДВЕЖЬЕ УХО

У яра, у кручи,
Где терн колючий,
Где травы покрыла роса, —
Порубанный люто,
Открыл он под утро
Залитые кровью глаза.

А мимо зверье,
Не боясь, пробегало,
И ворон все ниже кружил...
Но сердце стучало,
Стучало, стучало,
И он задыхался, но жил.

... А кто-то подходит,
Дорожку находит,
По капле она пролилась...
Кусты он раздвинет,
Ринтовочку снимет
И крикнет: «А ну-ка, вылазы!»

Все шорох и шорох...
А, может быть, в шпорах
Да с черепом на рукаве,
Отставший от своры,
Дроздовец матерый
Ползет по примятой траве?

Лежи неподвижно!
... А кто-то все ближе
По травам росистым ползет...
Лежи! И зубами —
Хоть в землю, хоть в камень...
Пусть сердце застынет, замрет!

Лежит партизан...
Шуршанья не слышно,
Он голову вбок повернул...
Мальчишка чубатый,
Босой, конопатый,
В глаза партизану взглянул.

— Один ты?

— Один я...

— Откуда ты, дядя?

Изрубан ты, дядя, вконец...

— Отец где?

— Да нету,

Уехал с отрядом.

— У красных?

— У белых отец...

— У белых...

— А ты кто?

— Не видишь?

— Да, вижу...

Не встану...

— А может, помочь?

Растет здесь, по слухам,

Медвежье ухо,

Тебе принесу его в ночь.

— Воды бы...

— Достану.

Добуду и хлеба...

Парнишка чубатый уполз.

Сквозь бурые листья

Высокое небо

Над степью раскинуло холст.

И солнце спускалось

Все ниже и ниже...

Парнишка под вечер пришел,

Заплаканный, тихий,

Как будто обижен...

— Ты что ж никого не привел?

— Убили за Доном
Отца партизаны,
На хутор его привезли,
Лежит он, не дышит
И плача не слышит,
Не встанет он больше с земли.

— Убили...

— Убили...

... Воды да краюху
Принес я, поешь да попей...
В степи отыскал я
Медвежье ухо, —
Затянутся раны скорей. —

Как отблеск пожара,
За Доном зарница
Исчезнет и — снова горит...
Парнишка на землю
Сырую садится,
Глаза закрывает и спит.

Ночная степная
Трава молодая,
Ты раны мои затяни!
... Звезда покатилась
Одна да другая,
А в небе огни да огни

Парнишка, парнишка,
Хороший, чубатый, —
Какую дорогу найдешь?
Проснешься, какою
Дорогой — кривою,
А может, прямою пойдешь?

Медвежье ухо...
Затянутся раны,
Уйду, попрощаюсь с тобой;
Запомни, парнишка, —
Лечил партизана
Степною ласкучей травой.

Так спи, неразумный,
Растерянный, сумный.
На батьку ль, на мамку похож?
Парнишка чубатый,
Босой, конопатый,
Какой ты дорогой пойдешь?

1938

СЕДЛО

Сухой ковыль — трава степная
Да тишина со всех сторон...
Казак, тоскуя и стеная,
Идет домой на тихий Дон.

Давно забыл глядеть он чортом,
В глазах страданье залегло;
Он на плече своем потертом
Несет казенное седло.

Был конь... Издох последней ночью.
Казак седло в дорогу взял...
Седой ковыль среди черных кочек
Ему тропинку указал.

Он в полутьме на хутор вышел,
Увидел — дом стоит в салу —
И за оградой услышал
Собачий лай, как на беду.

Стучится в дверь рукой больною
И в хату темную идет,
Седло казачье, боевое,
За полбуханки отдает.

Перекрестившись на иконы,
И разом плечи наклоня,
Белогвардейские погоны
Он рвет сурово с чекменя...

1939

ТАБУНЩИК

Его будило утром рано
Степное ржанье кобылиц,
Он гнал табун среди курганов
К студеной заводи криниц.

И там, где ольхи наклонили
Сережек бурые цветы,
Где кувшины весенних лилий
Молочным соком налиты,

Садился он под вербой старой
На пень с обглоданной корой
И в небе утреннем отары
Следил над степью молодой.

Смотря на кобылиц с опаской, —
Зубами прихватить грозят, —
~~Два смуглых мальчика подпаса~~
Поили лысых жеребят.

Смотрел старик за рыжей Зорькой:
Она, с огромным животом,
Одна стояла на пригорке,
Склонивши голову... Потом

Она к кринице осторожно
Травой высокою пошла
И ветер на прохладной коже
Бегучей зыбью пронесла.

Наступит ночь, и загорится
Над степью белая луна,
А Зорька вновь уединится
Чуть в стороне от табуна.

И в полночь, может, на росистой,
Прямой тяжестью траве
Появится скакун рысистый
С пятном отца на голове.

Ночной ударит запах в ноздри,
И, тонконогий, встанет он,
Увидит степь, над степью — звезды
И в звездах синий небосклон.

Ногами топнет неумело
И тонко, тоненько заржет,
Затем, от счастья ошалелый,
К соскам горячим припадет.

Но день придет... В огне и в злобе,
В степи, под посвистом свинца,
По белой звездочке на взлобье
Мы угадаем жеребца.

1939

БАХЧЕВНИК

Тихий Дон... Шелестит осока
Под приливом донской волны.
На бахче искрометным соком
Наливаются кавуны.

Не наездник и не кочевник,
Но с цыганской златой серьгой, —
Добрый старец, седой бахчевник
Над широкой идет рекой.

Листья бурые он раздвинет,
Арбуз пестрый перевернет...
Постоит над дубовкой-дыней
И на берег опять пойдет.

А когда над рекой раздольной
Наступает заката час,
Приплывает к нему просмоленный,
Рассекающий синь, баркас.

И в дубовый баркас высокий
Грузят дыни и кавуны.
Тихий Дон... Шелестит осока
Под приливом донской волны,

И приносит полынный запах
Из степи ночной ветерок,
Небо в звездных густых накрапах
Опускается на восток.

И огнем золотым тревожно
Полыхает во тьме костер.
Над горящей золой треножник
Ноги черные распростер.

... Звезды гаснут, летят и тают,
Исчезают в глуби реки.
У костра, у огня мечтают
Возле берега казаки.

Не наездник и не кочевник,
Но с цыганской златой серьгой, —
Добрый старец, седой бахчевник
Умолкает в тиши ночной.

Так сидят казаки над Доном,
Возле мудрого старика,
И баркас на волне студеной
Чуть качается у песка.

1937

КАДУШКА

Стоит у берега донского
Кадушек выстроганных ряд,
Бока дубовые обновой
Под солнцем молодо блестят.

Они в реке наполовину —
Вбирают влагу, чтоб потом
Принять соленую лавину —
Капусты с перцем, с чесноком.

А после скроется в сарай,
Под землю, в склады, в погреба,
Рассолом золотым играя,
Кадушек дружная гурьба.

И будет ждать, покуда жолоб
Не забурлит вблизи весной...
... На берег в фартуке тяжелом
Выходит бондарь молодой.

Кадушку глазом выбирает
И наклоняется над ней
Он молотком стучит по краю,
Что дальше — громче и сильней...

Дубок, обтесанный добротю,
Замечен сразу, — этот вот!
Веселый бондарь беззаботно
Загнутый ножик достает

И, взгляд усмешливый бросая,
Зажав кадушку меж колен,
Не отрываясь, вырезает
Две буквы только: «Д» и «Н»,

Как по линейке синей, ровной
В тетрадке милою рукой,
Как будто подпись под любовным
Письмом подруге дорогой.

И пусть теперь идет по свету
В дубовом запахе, в соку,
И незаметную примету
Несет на тесаном боку,

И пусть хозяйка молодая,
Среди хрустящих овощей,
В часы работы угадает,
Кто надписал кадушку ей.

1939

ПОДСОЛНУХ

Каждый вечер у плетня пахучего,
У реки, где гибкий чернотал,
С самою хорошей, самой лучшею
Казачок с казачкою стоял.

Он стоял под веткою под грушовой
И пытал: «Ты любишь ли меня?»
Все слова их бережно подслушивал
Молодой подсолнух у плетня:

Как встречались у скамейки вечером,
Расставались, когда день вставал...
А подсолнух — видно, делать нечего —
У плетня к ним голову склонял.

Вместе с ними он немало выстоял,
Лишь качал под ветром головой...
Но настала осень золотистая,
И подсолнух сорван золотой...

Под дождем казак стоит и жмурится, —
Что ж тут долго думать и решать?
И пришлось казачке через улицу
К казаку домой переезжать.

И сыграли свадьбу, да немедленно,
да какую — трудно рассказать!
А гостей цымлянским, как заведено,
Угощал с казачкою казак.

Ну, а гости семя вкусно лускали
И хвалили честно молодых...
А жених все говорил без усталости,
Что подсолнух сватом был у них.

1939

Как по линейке синей, ровной
В тетрадке милою рукой,
Как будто подпись под любовным
Письмом подруге дорогой.

И пусть теперь идет по свету
В дубовом запахе, в соку,
И незаметную примету
Несет на тесаном боку,

И пусть хозяйка молодая,
Среди хрустящих овощей,
В часы работы угадает,
Кто надписал кадушку ей.

1939

ПОДСОЛНУХ

Каждый вечер у плетня пахучего,
У реки, где гибкий чернотал,
С самою хорошей, самой лучшею
Казачок с казачкою стоял.

Он стоял под веткою под грушовой
И пытал: «Ты любишь ли меня?»
Все слова их бережно подслушивал
Молодой подсолнух у плетня:

Как встречались у скамейки вечером,
Расставались, когда день вставал...
А подсолнух — видно, делать нечего ---
У плетня к ним голову склонял.

Вместе с ними он немало выстоял,
Лишь качал под ветром головой...
Но настала осень золотистая,
И подсолнух сорван золотой...

Под дождем казак стоит и жмурится, ---
Что ж тут долго думать и решать?
И пришлось казачке через улицу
К казаку домой переезжать.

И сыграли свадьбу, да немедленно,
да какую — трудно рассказать!
А гостей цымлянским, как заведено,
Угощал с казачкою казак.

Ну, а гости семя вкусно лускали
И хвалили честно молодых...
А жених все говорил без усталости,
Что подсолнух сватом был у них.

ТЕПЛАЯ ВОДА

Когда от первого разлива
Не остается и следа,
С верховьев Дона торопливо
Приходит теплая вода.

Дыханьем легким согревая
Донские степи и поля,
Она несется, горловая,
В зеленых займищах бурля,

И, затопляя побережье,
Вздымая темную волну,
Верховкой бурною и свежей
Приносит позднюю весну.

По затуманенным низинам
Гуляют цапли на песке,
И черноталовой лозинкой
Их ноги кажутся в реке.

У побережья желтый чакан
Среди клокочущих ключей
Стоит, покрытый нежным лаком
Весенних солнечных лучей.

гепросыхающею краской
Сверкают отблески реки...
Под парусами на баркасах
Уходят в гирлы рыбаки.

И, развернувшись по течению,
За борт бросают невода...
Бурливым праздником весенним
Приходит теплая вода.

1938

ОБЛОМОК ПУШКИ

Когда то наполненный гулом,
Пришедший в донские края,
Обломок тяжелого дула
Стал руслом чутунным ручья.

Петровский пушкарь при осаде
В степи приазовской был смел...
Шумит над тобой виноградник,
А раньше ты в битве гудел,

Свистящие черные ядра
В турецкое войско бросал,
Сражаясь свирепо и яро,
Ты воздух донской сотрясал.

Струится вода ключевая,
Уносится вниз по тропе,
Привычка тех дней кочевая,
Как амальгама, влюбленная в тебя.

Лежишь под лозою годами,
Где гроздь оседает на гроздь...
К тебе прикоснуться губами
В полуденный зной довелось.

Кто на землю рядом приляжет
И напиться студеной воды,
Тому ты подробно расскажешь,
Чем славен и доблестен ты.

Пусть путник с водой ключевой
И мужество Дона вдохнет
И в путь, попрощавшись с тобою,
Широкою степью пойдет.

У РЕКИ

В расцветающем палисаднике
На кустах переливы лучей.
Молодые лихие всадники
Смаху прыгают на коней.

Кони рыжие бьют копытами,
Бьют копытами на лугу,
И на площадь, травой покрытую,
Вылетают на всем скаку.

Шашки острые светят радугой,
И в прищуре блестят глаза...
Словно молния, наземь падает
Перерубленная лоза.

Кони фыркают, в ряд становятся,
Глазом синим вокруг кося...
За станицу да за околицу
Мчатся всадники на рысях.

Кони мчатся туда, где стройные
Поднялись над рекой тополя...
Вдоль дороги лежат спокойные
Зеленеющие поля.

И виднеются в отдалении,
За полоской речной воды,
В розовато-седом цветении
Абрикосовые сады.

... Так и ехали парни смелые,
Рысью всадники — у реки,
Все веселые, загорелые,
Все чубатые казаки.

1937

ПОРОХОВЫЕ ПОГРЕБА

Где шелестит в покос пшенища
И к МТС ведет тропа,
Стоят на взгорье над станицей
Пороховые погреба.

И, зарастая мохом, оба,
Скрывая в темени углы,
Они в степи стоят бок о бок
Над древним стойбищем Цымлы.

Они хранят следы Петровы, —
Петром заложен каждый был,
Когда он к городу Азову
Донскою степью проходил.

Гуляли Доном непогоды,
В степи осенний ветер выл...
Казак, вернувшись из похода,
Лозу над огнем вырастил.

И погреба пороховые
Приняли нехотя под кров
Донские вина огневые,
Что привезли купцы в Покров.

Но долго порох не сдавался,
Он запах винный побеждал,
Он жил в углах, он оставался,
Как будто вновь сражений ждал.

Так от Покрова до Покрова
Все было тихо на горе...
Но вот купцы к дверям дубовым
Вино не возят в ноябре.

А погреба стоят, как прежде,
В степи встречая казаков,
И лишь на каменной одежде
Хранят отметины веков.

И снова здесь до ночи звездной
На арбах дружное звено
В бочонках возит хмель колхозный,
Сухое красное вино.

Когда приказ военкомата
Приходит утром в сентябре,
Казак, с родной прощаясь хатой,
Коня седлает на дворе.

И, отправляясь из станицы,
У погребов обнявши мать,
Казак обязан поклониться
И чарку полную принять,

Допить до дна, не проливая,
Почуять порох на губах,
Чтоб сила, хватка боевая
Была в мужающих руках.

1940

III

КАЗАЧЬЯ СЛАВА

ДОН

Откуда Дон берет начало,
Где скрыта вечная струя,
Что вниз по руслу величаво
Уходит в дальние края?

Под невысокою березкой
Начало Дон свое берет;
Из-под травы земли московской,
С Ивана-озера течет.

Века идут... Но не мелеет
Донское русло на пути:
Все выше ростом, все смелее
Казачье воинство в степи.

Верно Кремлю и башням дивным,
Московской улочке любой,
В беде — словам земли призывным,
Зовущим за Россию в бой.

Зовущим в бой! Летят над степью
Конногвардейские полки,
И пыль вздымается, как пепел,
И кони рыжие легки...

Кубань и Дон, и Приазовье,
Степная ширь, Донбасса свет,
Днепра великого низовья, —
Далеский путь — копытный след.

А погреба стоят, как прежде,
В степи встречая казаков,
И лишь на каменной одежде
Хранят отметины веков.

И снова здесь до ночи звездной
На арбах дружное звено
В бочонках возит хмель колхозный,
Сухое красное вино.

Когда приказ военкомата
Приходит утром в сентябре,
Казак, с родной прощаясь хатой,
Коня седлает на дворе.

И, отправляясь из станицы,
У погребов обнявши мать,
Казак обязан поклониться
И чарку полную принять,

Допить до дна, не проливая,
Почуять порох на губах,
Чтоб сила, хватка боевая
Была в мужающих руках.

1940

III КАЗАЧЬЯ СЛАВА

ДОН

Откуда Дон берет начало,
Где скрыта вечная струя,
Что вниз по руслу величаво
Уходит в дальние края?

Под невысокою березкой
Начало Дон свое берет;
Из-под травы земли московской,
С Ивана-озера течет.

Века идут... Но не мелеет
Донское русло на пути;
Все выше ростом все смелее
Казачье воинство в степи.

Верно Кремлю и башням дивным,
Московской улочке любой,
В беде — словам земли призывным,
Зовущим за Россию в бой.

Зовущим в бой! Летят над степью
Конногвардейские полки,
И пыль вздымается, как пепел,
И кони рыжие легки...

Кубань и Дон, и Приазовье,
Степная ширь, Донбасса свет,
Днепра великого низовья, —
Далекий путь — копытный след.

В горах, на древних перекатах,
Среди заоблачной пурги
Который раз идут в Карпатах
Тропой военной казаки.

С вершины гор видней победа,
Она к себе донцов зовет,
И к ней — по боевому следу —
Сама история идет.

А Дон все так же величаво
Течет меж светлых берегов,
В себя вбирая честь и славу
Советских смелых казаков.

К нему идут Донец и Маныч —
Меньшие братья с двух сторон...
Мой Тихий Дон, ты, Дон Иваныч,
И от меня прими поклон!

1944

* * *

У каждого из нас в стране родной
Был точный адрес: город, номер дома...
Откуда б ни приехал в час ночной, —
Идешь спокойно улицей знакомой.

Ты постучишься в переплет окна,
Тебя родные встретят на пороге
И выпьют чарку доброго вина
За окончание пути-дороги.

Вот так мы жили, дружно и тепло,
Детей растили, на вечорках пели...
И возле дома милого светло
Над нами листья тополей шумели.

У каждого из нас в стране родной
Есть край любимый... Разве позабудешь
Среди курганов ковылек степной
Под солнышком в бедном степном полуде,

И дончаков степные косяки,
И ржанье маток у реки студеной,
Левобережья желтые пески
И чернотал, склонившийся над Доном?

И ты запомнил раннюю весной
Гортанный крик, протяжный журавлиный,
Когда низовкой темной и седой
Вода заполняла луговины.

У каждого из нас в стране родной
Был отчий дом... У скольких он потерян!
И в этом доме в полумгле ночной
Чужие люди открывают двери.

И как ты скажешь, где теперь живешь,
Коль обменяться надо адресами?
Нет, руки на сиволе не разожмешь
И в бой пойдешь степями и лесами.

И вновь услышат наши голоса
Дома родные в грохоте орудий!
Мы сохранили наши адреса,
Где б ни были, — мы дома снова будем!

1942

КАЗАЧЬЯ СЛАВА

Она поднималась — казачья слава —
На лезвиях синих свистящих клинков,
На старых курганах, на дымчатых травах,
На древних былинах ушедших годов.

Она с Ермаком на Урал уходила,
Шатры поднимала в дремучей тайге,
В Сибири дружины к победе водила
И меч закаляла в казачьей руке.

Она победила в Азовском сиденье,
Под флагом петровским не сдалась она.
Ей силу давала к суровым сраженьям
Родимого Дона крутая волна.

За Разиным шла, к Пугачеву спешила,
Везде побывала в далеких краях...
И вновь поднималась у стен Измаила,
И шла за Суворовым на стremенях.

Казачья слава! Вот кликнул Давыдов
Тебя в партизаны — французов громить...
Ты русскую землю хранила, не выдав,
Ей голову не дала долу склонить.

И вновь зашумели в степях эскадроны,
У родного Дона — родимой реки;
За вахмистром стройным Семеном Буденным
Пошли да поехали в бой казаки.

В боях добывали бессмертную славу
Бойцы-первоконники грозной весной;
Запомнят навек приднепровские травы
Атаки казачьи за Киев родной.

Казачья слава, ты вновь зашумела!
И встали по первому зову страны
За честь, за свободу, за правое дело
Ковыльного Дона лихие сыны.

И вот потянулись степями от Дона,
И вот засверкали под солнцем клинки:
К гвардейским дивизиям шли под знамена
Рубаки донские, орлы-казаки.

Встречал их в дивизиях батько Доватор,
Встречал их в дивизиях грозный Белов,
И было их много, и было богато,
И было их тысячи тысяч клинков!

Казачья слава, от края до края
Лети, как орел зоркоглазый степной:
На карте движенье боев отмечает
Твой вождь, полководец, отец твой родной.

Лампас твой зарницей вечернею алой
Мелькает в далеком военном пути...
Казачья слава, в атаках удалых
До самого синего неба расти!

ПАРТБИЛЕТ

Кто может позабыть счастливый миг, —
Счастливей в жизни не было и нет, —
Когда тебе в райкоме большевик
Вручает большевистский партбилет?!

И ты берешь горячею рукой,
Чтоб сохранить его на тыщи дней. . .
И ты все тот, и ты уже — другой,
Ты старше стал, серьезней и сильней.

И вот пришла военная пора, —
Ты, коммунист, шагаешь впереди;
И шашка слева у тебя — остра,
И партбилет у сердца на груди.

Погибнуть в битве, если суждено,
Лицо на запад обратив вперед, —
Ты знаешь: с партбилетом заодно
Осколок сердце жаркое пробьет.

И ты почувешь в этот смертный миг,
Как кровь твоя омоет партбилет. . .
Друзья твои, которых ближе нет,
Друг другу скажут: «Умер большевик!»

А не умрешь — ты будешь долго жить,
Вернешься вновь к жене своей и сыну;
С друзьями будешь заново дружить,
Познав их вновь в суровую годину.

И сколько бы ни прожил долгих лет, —
В любом труде ты будешь одинаков;
Тебя все так же будет партбилет
Вести вперед, как в эти дни — в атаку!

ТРОЕ

Мы с тобой лозу рубили,
Ой, рубили — пополам. . .
Мы с тобой одну любили,
Да досталась, брат, не нам.
Не тебе, не мне досталась,
Вышел третий наперед;
Опоздали мы на малость,
А любовь, браток, не ждет.
С той поры мы подружились, —
Обожглись мы на одном.
С той поры мы обходили
Хату белую вдвоем.
Обходили за версту
И встречались на мосту.

Мы смотрели: в дождь и в ветер, —
Там, где тонкий чернотал, —
Там Анисью кто-то третий,
Кто-то дерзкий целовал.
Кто-то дерзкий — наш товарищ,
Наш Андрейка Низовой.
Не затронешь, не ударишь:
Наш товарищ — мой и твой.
Мы тогда фасон держали,
Разобиделись навек,
Будто мы его не знали, —
Незнакомый человек.
Позабыли об одном:
Что нельзя любить втроем.

Мы в степи зеленой мчались
С шашкой острой на весу,
Вдоль и поперек рубали
Красноталую лозу,
На коне червонной масти,
Над ковыльною травой,

Пролетал — по рубке мастер —
Наш Андрейка Низовой.
Только мы не замечали,
Что он делает, каков...
На привет не отвечали, —
Мало ль ездит казаков?
Но война пришла — и в строй
Стали мы и Низовой.

Помнишь друг мой, как ходили
На разведку мы втроем,
Как с Андрейкой поделились
Мы впервые сухарем,
Как в болоте мы застряли,
Как дорогу ты искал,
Как мы коней потеряли,
Как Андрейка нас спасал?
Позабудешь ты едва ли,
Как в болоте он простыл,
Как его с собою клали
Промеж нас — в жару он был, —
Как укрыла в снежный вихрь
Бурка черная тропы.

Вот и все... От злобной пули
Кончил свой Андрейка путь.
В бурку друга завернули,
Будто лег он отдохнуть.
Ничего не позабыли
В час, помеченный бедой;
Мы его похоронили
Под березкой молодой.
Нашей кровью, нашей жизнью,
Честным словом молодым
Над могилой поклялись мы —
Сына мы усыновим.
Нашей дружбе — не конец,
Кто останется — отец.

Ты не спишь еще, товарищ?
Вспомнить друга довелось.
Видишь зарево пожарищ
Над лесами поднялось?

Слышишь, кони перед боем
Рвутся с привязи опять?...
Хорошо нам, друг, с тобою
Под одною буркой спать.
Так поспи, мой друг, немного, —
День суровый завтра ждет;
Рано утром на дорогу
Бросим коней мы внамет;
Помним клятву мы свою —
За троих рубать в бою.

1942

ГОРОБЕЦ

Вызывает командир полка
Для беседы к штабу казака.
И приходит тот в крестьянский двор.
— Здравствуй, — говорит ему майор,
Руку жмет гвардейцу командир. —
Фронт тебя за доблесть наградил.
Орден боевого знамени к лицу
Казаку-гвардейцу Горобцу.
Ты кубанец?
— Не кубанец, я — донской,
Из станицы из придонской, из Чирской, —
Отвечает, как положено, казак
И не знает, что еще сказать.
Он стоит, как струнка, затаясь,
И смеется, будто не смеясь.
Просит дать майор ему ответ:
— Что ты можешь делать, а что нет?
— На войне?
— Конечно, на войне.
А в «гражданке» для чего ж ты мне... —
И садятся оба на крыльце.
Автомат висит на Горобце.
Подбирает Горобец ножны,
Расправляет синие штаны,
Угощает командира табаком,
Опалает спичку огоньком.
— Что могу я делать на войне?
Что прикажут командиры мне.
Я в разведки дальние хожу,
На снегу январском не дрожу,
На снегу морозном, как в бою,
«Языков» я в полночь достаю,
Их от смерти даже берегу!..
Что прикажут делать — я могу.
— Ну, а не прикажут? Что тогда?
— Не прикажут? Тоже не беда.

Я привык и к тропкам, и к лесам,
Не прикажут — догадаюсь сам.

... Так сидят и курят на крыльце,
Автомат висит на Горобце,
Вьется тонкий синенький дымок,
Снег ложится хлопьями у ног.
— Хорошо, товарищ, — говорит майор, —
Что не можешь — не сказал ты до сих пор...

Видя, что беседе не конец,
Отвечает командиру Горобец:
— Не могу... а вот что не могу:
Не могу обиды я прощать врагу...
Не могу — где б ни был я — не петь,
Не могу без пользы умереть. —

... Поднимается майор с крыльца,
Взор не сводит нежный с Горобца.
— Ты сегодня в бой опять пойдешь
И деревню Гуково возьмешь.
В помощь я даю тебе троих,
Самых что ни лучших, боевых.
Так возьмешь? — глядит в глаза ему.
Отвечает Горобец:

— Возьму!

СБАЗ ПРО ДОВАТОРА

Стал в деревне на ночь, на постой,
Полк казачий. В темноте густой
Слышно, как копытом кони бьют,
Как овес невидимо жуют.
Потому деревня Власно тесна,
Что наполовину немцем сожжена,
Ходят часовые из конца в конец...
На столе мигает бледный каганец.
Тени от огарка бродят по стене,
Говорит на печке кто-то в тишине.
Узнают служаки: это говорит
Из Цымлянской Лыков, вечно он не спит
Говорит неспешно, с хрипотцой, баском:
«Генерал Доватор лично мне знаком:
Из одной станицы, жили базом в баз,
Мы с ним выпивали, может быть, не раз.
Он не то что кум мой, а кумы моей
Братец двоюродный, из одних кровей...»
Кто-то возражает: «Он же не казак...»
«Что ты понимаешь? Замолчи, дурак!
Ты на свет явился, а я водку пил,
Ты еще женился — я внучат растил.
Что ты понимаешь? Лучше замолчи.
У него папаха из каракульчи,
И усы, как сабли, по бокам висят,
Коль в глаза посмотрит, — ты опустишь взгляд.
Видит все, не спрячешь, нечего скрывать.
Если провинился, — лучше все сказать.
Что ты понимаешь — «он же не казак»!
Если не казак он, кто же может так
Делать, как Доватор? Что ж, что генерал, —
Он одною кашей с нами сыт бывал.
...Поступил однажды в полк к нам казачок,
Андряном звали, из себя — сморчок;
Невысокий ростом, но широк в плечах, —
Показалось, будто с огоньком в очах.

Ну, и вышло, значит, в тыл нам уходить,
Оккупантов-злыдней до пупков рубить.
Все как полагается, прорвались, идем...
И Доватор с нами на коне своем.
Долго мы ходили по чужим тылам,
Ворогов рубали!.. Но однажды нам
Тоже, брат, досталось, но слегка, ей-ей...
Вот тогда из боя убежал Андрей.
Смотрим — под сосною Андриян лежит,
Думали — убитый; нет, живой, дрожит, —
Словно лист осины, он тогда дрожал...
Смотрим, промеж нами, значит, генерал.
«Что же, говорит, ты, сука, здесь дрожишь?
Ощенился, что ли, что в кустах лежишь?
Кто ты есть — предатель или трус-казак?
Как же так случилось? Ну, скажи нам, как?»
Говорит Доватор, на него глядит;
Андриян — ни слова, как бычок молчит.
Говорит Доватор, смотрит мне в глаза:
«Что теперь с ним делать, подскажи, казак?»
В трудные минуты, между прочим, я
Выручал советом — мы же с ним друзья.
Я сказал, как думал: «Наперед нужны
От березы ветки, опосля штаны
Надо снять с Андрея, всыпать под кустом, —
Сам он разберется, что к чему, потом».
«Нет, — сказал Доватор, — не годится так.
Может, не пропащий он еще казак?»
Вот что, — вдруг сказал он, — будешь ты со мной,
Где б я ни был. Понял? Будешь ты связной».
Андриян впервые посмотрел в глаза.
«Есть», — сказал, помедлив, трудно так сказал.
С той поры он всюду, где Доватор, был,
Ну, а это значит — первым в бой ходил.
Будто подменили, стал совсем другим,
Скольких порубал он — сам, своей рукой!
А однажды немец из куста стрелял —
Прямо в генерала, значит, замышлял.
Жив Доватор вышел: заслонил связной, —
Ранили Андрейку пулей разрывной.
Грудью генерала парень заслонил
И за это орден, значит, получил.
Что ты понимаешь, — «вовсе не казак»!

Кто же может сделать, как Доватор, так?
Из одной станицы, жили базом в баз,
Мы с ним выпивали, может быть, не раз.
Он не то что кум мой, а кумы моей
Братец двоюродный, из одних кровей...»
Замолкает Лыков, видит — все молчат.
Ходики на стенке неспеша стучат.
...Часовых сменяют в полночь у окна.
Звезды в окна светят, ночь темным-темна.

1942

КОНЬ БАНДУРЫ

Бандура шашку уронил,
Она под солнцем засверкала.
С коня казак упал без сил
И снег окрасил кровью алой.

И конь споткнулся на скаку,
Но не упал, остановился...
Он мордой рыжей к казаку,
Тяжелой мордой наклонился.

Губой потрогал, языком
Лизнул горячим и шершавым...
И над сраженным седоком
Протяжно, жалобно заржал он.

Еще качались стремяна,
Еще узда в зубах горела,
Но обнимала тишина
У ног коня большое тело.

И снег искривляла губа
Гасил вдали копытный топот...
На запад бурей рвался бой,
К далеким вражеским окопам.

И конь заржал вновь в тишине,
Обдал Бандуру теплым паром
И увидал, как в стороне
Спешили люди — санитары.

Они подняли казака
И на носилки положили...
Дымились у коня бока,
Обозначая сухожилья.

А люди шли на желтый свет,
К лесной бревенчатой сторожке,
И конь пошел за ними вслед,
Ушами прядая сторожку.

И в доме том, где красный крест,
За дверью темной люди скрылись...
Молчал во тьме сосновый лес,
Под снегом ветви опустились.

А конь остался у окна,
Не понимая, что случилось...
Заиндевели стремяна,
Седло снежком запорошило.

А конь все ждал, что выйдет он
И шею рыжую погладит
И, вырвав шашку из ножен,
Взмахнет рукой и с лёту сядет.

И конь взвьется на дыбки,
И прынет по снегу наметом
Туда, где скрылись казаки,
Где злобный говор пулемета.

Он будет мчаться без дорог.
Полями, синими снегами,
И видеть, как блеснет клинок,
И чуют шпоры под боками.

1942

КОНЬ БАНДУРЫ

Бандура шашку уронил,
Она под солнцем засверкала.
С коня казак упал без сил
И снег окрасил кровью алой.

И конь споткнулся на скаку,
Но не упал, остановился...
Он мордой рыжей к казаку,
Тяжелой мордой наклонился.

Губой потрогал, языком
Лизнул горячим и шершавым...
И над сраженным седоком
Протяжно, жалобно заржал он.

Еще качались стремяна,
Еще узда в зубах горела,
Но обнимала тишина
У ног коня большое тело.

И снег искривляла сабля бой,
Гасил вдали копытный топот...
На запад бурей рвался бой,
К далеким вражеским окопам.

И конь заржал вновь в тишине,
Обдал Бандуру теплым паром
И увидал, как в стороне
Спешили люди — санитары.

Они подняли казака
И на носилки положили...
Дымились у коня бока,
Обозначая сухожилья.

А люди шли на желтый свет,
К лесной бревенчатой сторожке,
И конь пошел за ними вслед,
Ушами прядая сторожко.

И в доме том, где красный крест,
За дверью темной люди скрылись...
Молчал во тьме сосновый лес,
Под снегом ветви опустились.

А конь остался у окна,
Не понимая, что случилось...
Заиндевели стремяна,
Седло снежком запорошило.

А конь все ждал, что выйдет он
И шею рыжую погладит
И, вырвав шашку из ножен,
Взмахнет рукой и с лёту сядет.

И конь взовьется на дыбки.
И прынет по снегу наметом
Туда, где скрылись казаки,
Где злобный говор пулемета.

Он будет мчаться без дорог.
Полями, синими снегами,
И видеть, как блеснут клинок,
И чувствовать шпоры под боками.

1942

БЕССМЕРТНИК

Спустился на степь предвечерний покой,
Багряное солнце за тучами меркнет...
Растет на кургане над Доном-рекой
Суровый цветок — бессмертник.

Как будто из меди его лепестки
И стебель свинцового цвета...
Стоит на кургане у самой реки
Цветок, не сгибаемый ветром.

С ним рядом на гребне кургана лежит
Казак молодой, белозубый,
И кровь его темною струйкой бежит
Со лба на холодные губы.

Хотел ухватиться за сизый ковыль
Казак перед самою смертью,
Да все было смято, развеяно в пыль,
Один лишь остался бессмертник.

С ним рядом казак на полоске земли
С разбитым лежит пулеметом:
И он не ушел, и они не ушли —
Полроты германской пехоты.

Чтоб смерть мог казак молодой пережить
И в памяти вечной был светел,
Остался бессмертник его сторожить —
Суровой победы свидетель.

Как будто из меди его лепестки
И стебель свинцового цвета...
Стоит на кургане у самой реки
Цветок, не сгибаемый ветром.

Август 1942

У ДОНСКОЙ ИЗЛУЧИНЫ

Вести добрые снова получены,
Прогремели по миру трубой:
У донской, как подкова, излучины
Разгорелся решительный бой.
Там хлеба под снегами не кошены,
Там ковыль сапогами примят, —
В снег, в сугробы, что степь запылили,
Опрокинут фашистский солдат.
Он лежит на снегу остывающий,
С перекошенным черным лицом;
Наши братья, дружки и товарищи
Накормили убийцу свинцом.

А за Доном багровою тучею
Полыхают над степью огни,
И к донской, как подкова, излучины
Руки горькие тянут они,
Это люди душою пылающей,
Истомленные, тлеют к нам.
— Вызволяйте из плена товарищи,
Пробивайтесь к родимым домам.
Путь ваш к нам через дым и пожарища,
Через вражие трупы и смерть;
Выволяйте из плена, товарищи,
Нет у силы неволю терпеть!

Сквозь пургу и метели летучие,
Через балки в снегах, через лед,
От донской, как подкова, излучины
Топот грозный степями идет.
Он проходит над горькими хатами,
Над станицами низко летит.
Неминуемой страшной расплатою
Над врагами костями гремит.

Нам дорога — на запад, товарищи,
Нет иного, другого пути...
От расплаты, от мести карающей
Не уйти им от нас, не уйти!

1942

ЗЕМЛЯ ТВОЯ

О ней ты бредил по ночам,
Страданий не тая;
Она — начало всех начал,
Земля, земля твоя.

Она была тебе дана
Навек, на тыщи лет;
Такая, как она, — одна,
Другой, похожей — нет.

Когда ты вырос и в очах
Зажегся огонек, —
В полдневный зной тебя встречал
Над Доном ковылек.

Он был таким же в страшный зной,
Когда в дыму, в огне
Он увидал нас за рекой,
На левой стороне...

Земля моя, земля твоя —
Равнины да яры, —
Ты кровью, честью, клятвою
Нам стала с той поры.

И нет в душе тоски сильней
И горести сильней,
Когда ты думаешь о ней,
Истерзанной, твоей...

И вот опять ты на своем
На правом берегу
Стоишь, не тронутый огнем,
На розовом снегу.

Нам дорога — на запад, товарищи,
Нет иного, другого пути...
От расплаты, от мести карающей
Не уйти им от нас, не уйти!

1942

ЗЕМЛЯ ТВОЯ

О ней ты бредил по ночам,
Страданий не тая;
Она — начало всех начал,
Земля, земля твоя.

Она была тебе дана
Навек, на тыщи лет;
Такая, как она, — одна,
Другой, похожей — нет.

Когда ты вырос и в очах
Зажегся огонек, —
В полдневный зной тебя встречал
Над Доном ковылек.

Он был таким же в страшный зной,
Когда в дыму, в огне
Он увидал нас за рекой,
На левой стороне...

Земля моя, земля твоя —
Равнины да яры, —
Ты кровью, честью, клятвою
Нам стала с той поры.

И нет в душе тоски сильней
И горести сильней,
Когда ты думаешь о ней,
Истерзанной, твоей...

И вот опять ты на своем
На правом берегу
Стоишь, не тронутый огнем,
На розовом снегу.

Ты снег руками разгребешь,
Один из сыновей,
Губами верными прильнешь
К земле, к земле твоей.

Казачий берег. Тихий Дон,
Родимые края,
Степной ковыль, сожженный дом,
Земля, земля твоя!

1943

КАЗАКИ ЗА БУГРОМ

Из леса в поле бешеным карьером
Казачий полк летит на скакунах;
Еще клинки в крови не побагвели,
Но казаки стоят на стремянах.
И топот плотный по полю несется
Как с неба павший перекатный гром,
Из края в край над степью раздается:
— Э-гей! Гей-гей! Казаки за бугром!

Мелькают в поле красные лампасы,
Шнурки от бурок вьются на груди,
И перерезанная с лёту насыпь
Уже шуршит песками позади.
Горит, как дом, немецкий бронепоезд,
Касаясь неба дымным языком,
И нарастает, в тихих травах кроясь:
— Э-гей! Гей-гей! Казаки за бугром!

У переправы на речном пароле —
Железный стон и выкрики солдат;
Дивизион немецкий на пароме.
Звенит струной натянутый канат.
Но где ты, левый, где ты, берег правый,
Канат рассечен, вниз идет паром.
И над рекой стоит у переправы:
— Э-гей! Гей-гей! Казаки за бугром!

Стоит печальный придорожный тополь,
Ведет с дорогой долгий разговор...
Но вот он слышит за холмами топот,
Копытный стук, стремянный перебор.
И он шумит от радости ветвями,
Звенит над степью тихим серебром,
Гудит корой и темными корнями:
— Э-гей! Гей-гей! Казаки за бугром!

Э-гей! Гей-гей! Не скошены, не смяты,
Гремят обвалом грозные полки.
Встают восходы, падают закаты, —
В седле, в седле донские казаки.
Поля, поля, широкие долины —
Мы все пройдем, но с седел не сойдем,
Пока не грянем громом под Берлином:
— Э-гей! Гей-гей! Казаки за бугром!

ДУБОК И ГРАЧЕВ

В отделение ефрейтора Дубка
Прибыл с пополнением новичок...

И спросил ефрейтор новичка:

— Как твоя фамилия?

— Грачев.

— Ты вблизи фашиста не видал?

— Не видал.

— Ты в него с винтовки не стрелял?

— Не стрелял.

— Так, — сказал Дубок, — ложись и спи:

Слышишь, ветер воет во степи?.. —

Лег Грачев на землю и уснул,

Под себя шинельку подвернул.

Спал Грачев, дремал ли, или нет,

Только видит он — уже рассвет:

По-над степью солнца ободок...

Ходит между вербами Дубок,

Говорит Грачеву: — Ну, вставай!.. Подъем.

Нынче в бой за хутор мы пойдем.

Ты свою винтовку осмотри,

Оружейным маслом ты ее протри. —

...Час атаки скоро настает, —

Отделение в бой меж вербами идет.

Впереди за речкой — хуторок,

И к нему ведет товарищей Дубок.

Травы под ногами шелестят,

Пули по-змеинному свистят.

Вдруг ефрейтор видит: новичок,

Будто в лихорадке, занемог.

Кланяется пулям на ходу,

Будто жнет на поле лободу.

Свистнет пуля — голову нагнет

И другую пулю вслед за первой ждет.

И тогда бежит к нему Дубок:
— Эй, — кричит он, — не робей, дружок!
Ты к земле былинкою не гнишь,
Ты свистящей пули не бойсь!
Просвистела — чорт ее найдет,
Просвистела — значит, не убьет!
Убивает та, что не слышать.
А ее чего же среди поля ждать.
Може, пролетела где она давно,
Ты ж ее не слышишь все равно.
Ну, давай! — махнул рукой Дубок.

Побежал за ним по травам новичок.
Мины засвистели — лег Дубок,
Рядом с ним за кочкой — новичок.
Встал Дубок — поднялся новичок...
— Бей фашиста, так его, браток! —
... Вот и хаты, вот и хуторок.
Посмотрел Дубок: а где же новичок?
Видит. Бьет фашиста на возах.
— Ну, давай!.. Давай!.. Входи, браток,
в азарт! —

Грозный штык, окованный приклад, —
Сразу видно: русский бьет солдат!
... Был и бой закончен в хуторке!
Что там потопили врагов в реке!
Сколько раз считали — всех не перечесть.
Те, кто пол водою, чорта их найдешь...

... Немец пулей новичка ожег, —
Перевязывал Грачова сам Дубок.
Перевязывая, он его спросил:
— Ты до фронта в обучение был?

— Был.

— Как вести себя в бою, ты изучил?

— Изучил

— А чего же пулям ты поклоны бил?

— Как слышал пули, все забыл.

— А теперь?

— Теперь наоборот...

— Что другому скажешь, коли к нам придет?

— Я скажу:

Ты к земле былинкою не гнишь,

Ты свистящей пули не бойсь!
Просвистела — чорт ее найдет,
Просвистела — значит, не убьет!
Убивает та — что не слышать,
А ее чего же среди поля ждать.
Може, пролетела где она давно,
Ты ж ее не слышишь все равно. —
— Правильно, — сказал ему Дубок, —
Ты боец теперь, не новичок!

ВОЛНОВАХА

Кони в поле — переливом,
Рыжих, карих — не сочтешь;
От гвардейского прорыва,
Черный ворог, не уйдешь.
Пыль над степью вьется прахом,
Топот грозный наземь лег;
Волноваха, Волноваха —
На скрещении дорог.

В поле чистом меж курганов
Стяг армейский замелькал,
Скачет вихрем Селиванов —
Наш казачий генерал
Генеральская папаха,
Знаки славы на груди...
Волноваха, Волноваха
Показалась впереди.

От казачьей силы кроясь,
Немцы мчатся по садам, —
С головы их и по пояс
Разрубают пополам.
Над широким конским пахом
Пена ключьями висит...
Волноваха, Волноваха, —
Шашка острая свистит!

Бой окончен. Шашки — в ножны.
С седел слезли казаки.
Отдохнуть часочек можно, —
Задымилась табачи.
Зубы белые, как сахар,
Улыбается казак...
Волноваха, Волноваха,
Мы с тобою — добрый знак!

Возле хаты Селиванов
Молоко из крынки пьет,
Разговор о новых планах
С командирами ведет.
Снова пыль над степью — прахом,
Кони вынеслись — внамет...
Волноваха, Волноваха,
До свиданья, — нам вперед!

1944

НА МОГИЛЕ КОЧУБЕЯ

Степная могила повита травой,
Обложена каменной кромкой...
Ты слышишь, Иван Кочубей: над тобой
Стоят боевые потомки.

Багряное знамя витой бахромой
Над прахом твоим наклонилось.
Пусть тело истлело под черной землей,
Но сердце твое сохранилось.

Лежит под землей ставропольской давно,
Но так же порывисто бьется;
Лишь топот услышит — как прежде оно
Под солнце кубанское рвется,

Чтоб снова увидеть казачьи полки
На бешеном вольном аллюре,
Чтоб снова узнать, как летят казаки,
В атаке подобные буре.

Чтоб снова в сиянии дымной зари,
Как некогда в грохоте сечи,
Увидеть, как жарко горят газыри,
Облитые золотом свечи.

Лежи, Кочубей! Мы к могиле твоей
Пришли на походе полками;
Наш славный водитель, Иван Кочубей,
Ты снова в боях — с казаками!

Ты шашку свою захватить нам позволь,
Чтоб в битвах была она с нами;
По стали булатной исчерчена вдоль
Арабскими письменами.

И где-нибудь там, у дунайских степей,
Остриженный хлопец с Кубани,
Клинок поднимая: «Иван Кочубей!» —
Прошепчет сухими губами.

Ты с нами, Иван Кочубей! Казаки
Твоею исполнены силой!
...Взметается пыль над травой, полки
Идут над степною могилой.

Горят башлыки над полями зарей,
Стучат на дороге копыта;
И сердце, что вечно стучит под землей,
С полками невидимо слито.

1944

КАША

В деревянном доме печь горит,
На печи — чугунный котелок:
Каша подымается, бурлит,
Легкий пар струится в потолок.
А вокруг печи, у котелка,
Кашу ждут четыре казака.

Трое суток в наступленье шли,
Кони падали в пути на снег;
Падали, подняться не могли, —
Поднимал их молча человек,
Им сухарь последний отдавал,
Сам соленый снег в ночи глотал.

Трое суток... Повстречали дом, —
Печь стоит нетронутая в нем.
Выюшки все открыты. Ветра вой,
Как в степи ная самой головой
В доме наступила тишина, —
В котелок засыпали пшена.

Светят в незакрытое окно
Звезды, чуть мерцая вдалеке...
Набухает в теплоте пшено,
Все теснее каше в котелке.
Говорит казак, прищурив глаз:
— Ложки к бою, каша в самый раз.

И при тусклом свете угольков
Четверо гвардейцев-казаков
Возле остывающей печи
Ужинают не спеша в ночи.
Вдруг удар и — щепок мелких град;
Посредине комнаты — снаряд.

И тогда один к нему прыжком,
Взмах рукой — и где-то за окном
Взрыв гремит, осколки в стену бьют, —
Казаки от печки не встают.
Говорит один, кольцом стуча:
— Ох и каша нынче горяча!

Говорит другой: — По горло зыт,
Не потерян, значит, аппетит! —
Третий говорит: — Снаряд, как лег,
Думал, что попортит котелок. —
А четвертый говорит: — Пошли,
Сбор трубач играет нам вдали. —

Котелок к седлу привязан на ходу;
Кони бьют копытами по льду...

1944

ЗДРАВСТВУЙ, ДОН!

От далеких карпатских отрогов,
От широких венгерских долин,
По полям, по лесам, по дорогам
Слышен голос знакомый один.

В этом голосе слово привета,
Слово верной, сыновней любви,
Казачков, обошедших полсвета,
Не склонивших знамена свои.

Здравствуй, Дон, наш родной Дон Иваныч,
Ты, казачьего войска отец,
Здравствуй, тихий соленый наш Маныч,
Здравствуй, отрок казачий — Донец.

Мы рубились в сраженьях опасных,
Не поняли казачьих клинков,
И мелькали, как пламя, лампы
Среди улиц чужих городов.

Мы твою возвеличили славу,
Дон Иваныч, отец наш родной,
За тебя отомстили по праву,
Край наш светлый, широкий, степной.

Мы отмыли водой ключевую
Кровь немецкую с острых клинков
И готовим в дорогу с собою
Рыжебоких своих дончаков.

...Слышит Дон это слово привета,
И студеной волною журчит
И от радости, солнца и света
В днища старых баркасов стучит.

Шелестит поутру камышами
В необъятных владеньях своих
Да играет волной с голышами
На песчаных откосах крутых.

А над ним, если выйти на берег
Да на степь золотую взглянуть,
Не узнать, не понять, не поверить —
Колос вышел, поднялся по грудь.

Все пройдя, все узнав, все изведав, —
Через смерть, через дым, через кровь, —
Урожаем счастливой победы
Дон наполнен до самых краев.

Шум работ не смолкает и на ночь
Над широкой казачьей рекой.
Ой ты, Дон наш родной, Дон Иваныч,
Тихий Дон наш, отец дорогей.

IV

МОЛОДОЕ ВИНО

★

ВИШНЯ

Среди разбитых кирпичей,
Дрожа изодранной корой,
Сто пятьдесят слепых ночей
Она стояла как герой, —
Как те герои, что кругом
У ног ее лежали в ряд,
Как каждый камень, каждый дом,
Как весь багровый Сталинград.

Война ушла, весна пришла
И вишня снова расцвела
И отцвела... И вот — висят,
Под солнцем ягоды блестят.
Уже не кровь — вишневый цвет,
Уже не дым — вдали рассвет,
Уже не бред — в землянке сон,
Уже не смерть — железа звон.

Искала долго свой очаг
Седая женщина в пыли;

Печаль и гнев в ее очах
Вперед на много дней легли.
Вдруг увидала: средь камней
Стояла вишня в двух шагах...
И догадалась: перед ней
Лежал ее жилища прах.

Но рядом вишня так цвела,
Ветвями так к себе звала,
Что пепел женщина смела,
Шатаясь, к вишне подошла,
Припала к ней...
И с той поры
Здесь зазвенели топоры,
У вишни тонкой, вокруг нее, —
Над Волгой новое жилье.

1943

РУЧЕЙ

Лежала каска на степном кургане,
Набита снегом талым до краев:
Но вот над степью утреннюю ранью
Прозрачный пар поднялся меж холмов.

И начал снег оттаивать несмело,
И в дырку, что темнела на боку,
Он просочился, и вода запела
И зазвенела громко на бегу.

Он побежал, еще снегами скрытый,
Но обогретый щедростью лучей,
Рожденный в каске, пулею пробитой,
Неудержимо рвущийся ручей.

Он рос, бурлил среди степных просторов,
Он песню пел веселую свою
И огибал подножье косогоров,
Где хата прилепилась на краю

Из этой хаты часом полуденным,
В тиши станичной ведрами стуча,
Шла женщина, чтобы воды студеной
Набрать неторопливо из ручья.

Топилась печь... Долбленое корыто
Стояло возле печи на скамье,
И сын смотрел, — вот пар ползет сердито,
Как вешние туманы по земле.

Потом в корыте сын сидел раздетый,
И пену он ладошками ловил;
В воде ручья, соломою нагретой,
Былинки трав осенних находил.

А мимо хаты, мимо косогора
Ручей звенел, без усталости бежал.
Среди полей, среди степных просторов
Он к половодью путь прямой держал.

Ручей ушел... И над степной травой
Открылась, засиявши навсегда,
На ржавой каске с дыркой пулевой
Не тронутая ржавчиной звезда.

1944

ОГОНЬ

Не спит мальчишка в хате темной,
Глаза откроет, и в окне
Он видит заревом огромным
Огонь за хатой в стороне.

Он мать зовет, дрожит в испуге:
— Ой, мама, немец...

Спрячь меня... —

Но мать спокойна: то в округе
Горит пшеничная стерня.

Готовит поле для пшеницы
До снега раннего колхоз,
Сверкают в небе над станицей,
Переливаясь, нити звезд.

Сын плачет, вскрикивает, стонет,
Сжимает влажную ладонь:
Он видит мертвых на затоне
И вновь огонь, огонь, огонь...

Опять горящую станицу,
Опять безрукие тела,
И перекошенные лица,
И над телами шомпола.

... Мать, от бессонницы слепая,
Глаза сжимая, как в дыму,
Лишь на рассвете засыпает,
Склоняясь к сыну своему.

И в этот час, когда ровнее
Сын спит, разжав во сне ладонь,
Отец его на батарее
Вдали командует: — Огонь!

И вверх летят накаты, бревна,
Тела немецкие, бетон...
Но снова слышен голос ровный, —
Отец командует: — Огонь!

Дрожит земля; качая воздух,
Взлетают в небо сталь и бронь,
И снова слышен голос грозный:

— Огонь!

— Огонь!

— Огонь!

— Огонь!

1943

ПОЛЫНОК

Каблуками, сапогами,
Иноземными гвоздями
Пригибали полынок,
Чтоб подняться он не мог,
Серебристый полынок.

Он горел, не догорая,
Умирал, не умирая,
У курганов, у дорог;
Где остался, там и лег
Серебристый полынок.

Под метелью, под снегами,
Под искрошенными льдами
Обгоревший он лежал,
Тонкий, острый, как кинжал,
Серебристый полынок.

А весна прошла над степью, —
Отряхнул он серый пепел,
Окупулся в ручеек
И поднялся, невысок,
Серебристый полынок.

1944

Весны знакомые приметы
Лежат пред вами в трех шагах;
Игра теней, мельканье света
На обнажившихся холмах.

Грачиный крик на перепутье
У придорожной колеи,
Лозы оттаявшие прутья,
Непостоянные ручьи.

Высокий звон, неодолимый, —
Средь покоренной тишины,
Летящей с юга по долинам
Казачьей всадницы-весны.

Дымок над кузней синеватый,
Соломы желтая труха;
И в кузне — свекор бородатый
Куст над горным лесом.

Пригреет солнце, — у калитки,
Вдыхая запахи земли,
Орденосцы-инвалиды
Сидят, сложивши костыли.

Они табак беспешенно курят,
Неторопливые в словах,
Но отраженье грозной бури
Еще горит у них в глазах.

На площади станичной старой,
Непререкаемо с утра,
У деревянного амбара
Рокочут ровно триера.

ПОЛЫНОК

Каблуками, сапогами,
Иноземными гвоздями
Пригибали полынок,
Чтоб подняться он не мог,
Серебристый полынок.

Он горел, не догорая,
Умирал, не умирая,
У курганов, у дорог;
Где остался, там и лег
Серебристый полынок.

Под метелью, под снегами,
Под искрошенными льдами
Обгоревший он лежал,
Тонкий, острый, как кинжал,
Серебристый полынок.

А весна прошла над степью, —
Отряхнул он серый пепел,
Окунулся в ручеек
И поднялся, невысок,
Серебристый полынок.

1944

* * *

Весны знакомые приметы
Лежат пред вами в трех шагах;
Игра теней, мельканье света
На обнажившихся холмах.

Грачиный крик на перепутье
У придорожной колен,
Лозы оттаявшие прутья,
Непостоянные ручьи.

Высокий звон, неодолимый, —
Средь покоренной тишины,
Летящей с юга по долинам
Казачьей всадницы-весны.

Дымок над кузней синеватый,
Соломы желтая труха;
И в кузне — свекор бородатын
Кусл над горлом лемеха.

Пригреет солнце, — у калитки,
Вдыхая запахи земли,
Орденосцы-инвалиды
Сидят, сложивши костыли.

Они табак беспешно курят,
Негорючие в словах,
Но отраженье грозной бури
Еще горит у них в глазах.

На площади станичной старой,
Непререкаемо с утра,
У деревянного амбара
Рокочат ровно триера.

И в сапогах, в косынках пестрых,
В солдатских ватниках простых
Стоят казацки жены, сестры
С утра до ночи возле них.

Пусть от работы поясница
Болит и ноет, — в полночь
Мужская ласка долго снится
И отогнать ее невмочь.

Потом проснутся и услышат,
Как над просторами земли,
Над самой хатой, по-над крышей
Летят, курлыча, журавли.

Вдохнет и, ватник натянувши,
Казачка выйдет за порог
Далекий шум в ночи подслушать,
Во тьме идущий от дорог.

И на какое-то мгновенье
Она услышит вдалеке
Того, кто снился, в поле пенье
И отзвук песни на реке.

НА КИРПИЧНОМ ЗАВОДЕ

Опять здесь жар печей сушильных —
Полдневный зной среди ночей,
Неостывающих, всеильных,
Рожденных заново печей.

С печами рядом цепью длинной
Стоят крутые стеллажи
С той желтою и красной глиной,
Что покрывала блиндажи.

Сюда идет поток могучий;
Колесный скрип со всех сторон;
Кирпич здесь самый прочный, лучший,
Огнем войны он обожжен

Здесь до печей прошла закалку
Степная глина в час крутой —
И на холмах, и в каждой балке
Где был недавно смертный бой!

И если стены школы сложат
Из этих новых кирпичей. —
Она еще светлей, моложе
Блеснет под золотом лучей.

И если школьник обнаружит
В стене простой кусок свинца, —
Поймет мальчишка — школе служат
Земля, огонь и кровь бойца.

1944

НА СТАРОМ ВИНОГРАДНИКЕ

Ты смотришь, Марфа, как побег зеленый
Перегоняет темную лозу;
Ты видишь виноградник опаленный,
Покинутый в ненастье и грозу.

Ты оправляешь волосы седые
И вспоминаешь: сколько лет тому,
Когда ты ночью в годы молодые
На виноградник бегала к нему!

Потом он мужем стал твоим законным,
Потом война пришла и — чем помочь? —
Когда на винограднике зеленом
Ты с ним прощалась, расставаясь в ночь.

И он ушел уже перед рассветом,
А ты стояла, не пролив слезы...
Ты не забудешь расставанье это,
Как первое свиланье у лозы.

И где он был, что стало с ним, — не знала,
Не ведала, не плакала... Ждала!
На снег смотрела, на рассвете алый,
На тропку, что от хутора вела.

И не было ни вести, ни привета...
Но вдруг тебе станичник передал,
Что будто бы у Миллерово где-то
Твой муж в бою убит был наповал...

Ты не поверила, ночами ожидала;
И дом, и сад, и двор был полон им;
Одна на винограднике рыдала,
Припав к корням корявым и сухим.

И год прошел, недаром был он прѣжит,
Ты, в смерть еще не веря до конца,
Увидела, что сын растет похожим
И взором и усмешкой на отца.

Пришла весна... И даже из ограды
Росли сережек белые цветы...
И вышел сын с тобой на виноградник,
Где пахли снегом первые листья.

...Смотря на виноградник опаленный,
Покинутый в ненастье и грозу,
Ты видишь, Марфа, как побег зеленый
Перегоняет темную лозу.

1943

КАРАВАЙ

Из первой муки, по примеру старинному,
Хозяйка в печи каравай испекла.
Был вечер, и пламя свечи стеариновой
Металось над желтой клеенкой стола.

Пока в полутьме грохотала ухватами,
Метелкой сметала с испода золу,
Семья собиралась, — шумели за хатой,
Скрипели дверьми и садились к столу.

Хозяйка разрезала пилкой зубчатую
Буханку на равные восемь частей:
Себе, старику да невестке с внучатами,
Две главные доли — для двух сыновей.

Хрустела под лезвием корка пшеничная,
Румяна от жара, вкусна и нова;
Мука удалась, золотая, отличная,
Смололи на совесть ее жернова.

Две доли сыновьих остались нетронуты:
Одна — навсегда, а другая — пока
Война не замолкнет далекими фронтами,
Где Висла, где Одер, где Шпрее-река,

Где старший сынок их, четырежды раненный,
Со шрамом на белой казачьей груди,
Идет в наступленье далекой Германией,
По старой привычке, — всегда впереди.

И, может быть, в сумке буханка солдатская
Из той же муки да армейских дрожжей
За ужином делится равная, братская,
Товарищам сына на восемь частей.

И каждый в ней чувствует дали далекие,
И шелест пшеницы в просторах степных,
Подруги тоскующей вздохи глубокие,
И русые кудри мальчишек своих...

Ребята ведь ждут — несмышленые парубки,
Им все поскорее, немедля давай! —
Вот батяня вернется, подымет их на руки
И сядет к столу доедать каравай.

1945

БУРКА

И любовь свою и счастье
Казачок, что было сил,
От осеннего ненастья
Буркой черною укрыл
Возле дома, возле хаты,
Буркой старою, лохматою.

На Дону огни горели
По фарватеру реки,
Словно в месяце апреле
Над травкою светляки.
Только было очень мокро —
Дождь стучал, как путник, в окна.

Вдруг казачка прошептала
В полуночной тишине:
— Будто капля пробежала,
Дует что-то в спину мне. —
И ответил ей казак:
— Если дует — то сквозняк.

След немецкого осколка
Не могу никак зашить,
То для бурки нет иголки,
То тонка для бурки нить.
Вот хозяйюшка была б, —
Все, что надобно, нашла б. —

— Я найду, — она сказала, —
Прикажи мне, я найду! —
И под ветром задрожала,
Словно яблонька в саду.
И тогда сказал казак:
— Ликвидировать сквозняк!

День наавтра был погожий,
День, на вечер не похожий, —
Бурка целою была,
Все красавица нашла:
Нить, иглу из сундука
И... донского казака.

1945

Л А З

У меня в саду был лаз
В сад чужой, соседский, —
Вспоминаю, сколько раз
Я бывал там в детстве.

И у нас росли в саду
Яблоки и груши,
Но казалось в пору ту,
Что чужие лучше.

Помню, сад весной в дыму
Цветом весь лучился,
Мне тогда не одному
Лаз мой пригодился.

В полусне, в полубреду,
Под вишневой веткой
Я сидел в моем саду
С молодой соседкой.

Целовались мы не раз
Под сияньем белым...
Ох ты, лаз, мой старый лаз,
Что же ты наделал?

Я уехал на войну
На коне горячем
И любимую одну
Я оставил в плаче.

Да, пришлось повоевать
Парню молодому,
Но вернулся я опять
По тропинке к дому.

Только дома говорят:
— Ты не огорчайся
И смотреть в соседний сад,
Милый, не старайся.

Пусть там яблоки висят
Цвета наливного...
Дочь соседки год назад
Бышла за другого.

Вот и юность пронеслась
В горьком разговоре...
Я припомнил старый лаз,
Сделанный в заборе.

Взял я гвозди и топор
И в осенний вечер
Я заколотил забор
Навсегда, навечно.

Яблок мне не воровать,
Возраст не годится,
Никогда не целовать
Ту, что часто спится...

1945

МОЛОДОЕ ВИНО

Неутомимый винодел
На винограднике хлопочет:
Всю жизнь прожить — его удел —
Среди пустых и полных бочек,

Изведать запах, вкус и цвет
И не пьянеть от сотой пробы,
Вину придать на много лет
Добра лукавого и злобы.

Чтоб, под землей перебродив,
Оно, сонливое, густое,
Как в море утренний прилив,
Кипело светлорозовое.

В багрянце осень средь садов
Сползает медленно в низины
И насыпает до краев
Продолговатые корзины.

Росой омытые, в листе
Лежат, как доблести награда,
В неповторимой красоте
Литые кисти винограда.

Среди осенней тишины
В сады на праздник урожая
Вновь казаки домой с войны
К знакомым лозам подъезжают

И два сержанта — у вина,
Среди корзин и желтых стружек,
Не отрываясь, пьют до дна
Из бесконечно милых кружек.

И винодел, как сыновей,
Их принимает за обедом
И говорит им, что пьяней
Оно вдвойне — вино победы!

1944

V

ЗНА В ЛЕСУ

ПИСЬМО ЧЕРЕЗ ФРОНТ

Все запомнится, все без остатка:
Самолета полуночный гром,
Среди сосен лесная площадка —
Партизанский аэродром,

И костры на снегу — нет им счеда,
И ракеты зеленый огонь,
И последняя дрожь самолета,
И железная чья-то ладонь,

И объятий мужская суровость,
Затаенный дымок папирос,
И какая-то важная новость,
И какой-то случайный вопрос.

Все там было... Пусть мы не знакомы,
Но мы с первого слова — друзья.
И в землянке глубокой — как дома, —
А иначе и жить там нельзя.

Все запомнится, что б ни случилось:
И сожженные столбики верст,
И молчанье над снежной могилой
Среди белых, как свечи, берез,

И прощанье товарищей — ночью,
Предвещающей встречу с врагом,
И на соснах — неведомый почерк —
Пулевые отметки свинцом!

Заметенные снегом тропинки,
И на соснах, как шапки, — снега,
И в землянке на стенах — картинки
Довоенного «Огонька».

Все запомнится, все без остатка,
Сохранится навеки любовь —
Не на белой от снега площадке,
Мы на площади встретимся вновь.

Мы обнимем друг друга, узнаем,
По глазам прочитаем о тех,
Кто когда-то протапывал с нами
Сапогами нетронутый снег.

А быть может, не мы, а другие
Вспомнят в светлый торжественный час
Сыновей непреклонной России,
Воспитавшей на мужестве нас.

Все запомнится, все без остатка...
Лист березовый вновь зашумит,
И подымет лесная площадка
К небу памятника гранит.

V

ЗИМА В ЛЕСУ

ПИСЬМО ЧЕРЕЗ ФРОНТ

Все запомнится, все без остатка:
Самолета полуночный гром,
Среди сосен лесная площадка —
Партизанский аэродром,

И костры на снегу — нет им счета,
И ракеты зеленый огонь,
И последняя дрожь самолета,
И железная чья-то ладонь,

И объятий мужская суровость,
Затаенный дымок папирос,
И какая-то важная новость,
И какой-то случайный вопрос.

Все там было. Пусть мы не знакомы,
Но мы с первого слова — друзья.
И в землянке глубокой — как дома, —
А иначе и жить там нельзя.

Все запомнится, что б ни случилось:
И сожженные столбики верст,
И молчанье над снежной могилой
Среди белых, как свечи, берез,

И прощанье товарищей — ночью,
Предвещающей встречу с врагом,
И на соснах — неведомый почерк —
Пулевые отметки свинцом!

Заметенные снегом тропинки,
И на соснах, как шапки, — снега,
И в землянке на стенах — картинки
Довоенного «Огонька».

Все запомнится, все без остатка,
Сохранится навеки любовь —
Не на белой от снега площадке,
Мы на площади встретимся вновь.

Мы обнимем друг друга, узнаем,
По глазам прочитаем о тех,
Кто когда-то протапывал с нами
Сапогами нетронутый снег.

А быть может, не мы, а другие
Вспомнят в светлый торжественный час
Сыновей непреклонной России,
Воспитавшей на мужестве нас.

Все запомнится, все без остатка...
Лист березовый вновь зашумит,
И подымет лесная площадка
К небу памятника гранит.

ВСАДНИК

Через сожженную деревню
Проехать всадник не спешит;
Под снегом черные деревья
Усталый ветер шевелит.

Ступает конь в снегу глубоком...
Нет ни заборов, ни ворот...
Но и без крыш, без стен, без окон
Он переулочек узнает.

И пусть, как в поле, топот гулко
Летит в морозный небосвод, —
Он серединой переулочка
Деревню вкось пересечет...

А что же всадник? Путь короче
Лежит налево, через лес...
Но всякий раз он ехать хочет
Своей тоске наперерез.

И всякий раз — и пусть под снегом
Он хочет видеть те места,
Где он мальчишкой в школу бегал
От переулочка до моста.

Ступает конь в снегу глубоком...
Нет ни заборов, ни ворот...
Но и без крыш, без стен и окон
Он переулочек узнает.

Выходит конь на мост дощатый,
Где вкось повалены столбы...
И вот коню уж нет пощады, —
От плети рвется на дыбы.

Идет внамет, прижавши уши,
Струной протянутый, красив...
А всадник скачет, чуть пригнувшись
От горя губы прокусив.

1942

СЛЕДЫ

На снеговом однообразье,
Подобьем свежей борозды,
Лежат нехитрой тонкой вязью
Витые заячьи следы.

Они уходят недалеко —
В сквозной березовый лесок...
А рядом с ними след глубокий
Чужих подкованных сапог.

За следом след, как тень косая
Среди литой голубизны;
Одни — едва снегов касаясь,
Другие — втопганы, грузны.

Стоят невестами березки,
В фате, в венчальном серебре;
Сверкает синии инеи блестящие
На бриллиантовой коре.

Из леса снова, завиваясь,
Уходит нить витых следов, —
Прошел сквозь лес, спасаясь, заяц
И скрылся в поле среди снегов.

Но след сапог чужих, тяжелых
За следом зайчьим не бежит...
Остался ворог, не ушел он.
Среди берез в крови лежит.

Лежит в снегу, раскинув ноги,
Блестя подковами сапог,
Над ним стоит в молчанье строгом
Сквозной березовый лесок.

А меж березок, тонких, ближних,
Кустам и пням наперерез,
Летит стрелой свистящей лыжня,
В соседний пущенная лес.

И там, в овчинном полушубке,
Взметая с ходу чистый снег,
Поставив на ружье зарубку,
Уходит русский человек.

1942

КТО ИДЕТ?

Ночь. Село. Метель метет.
Пост немецкий у колодца.
По-немецки раздается
Хрипло, глухо: — Кто идет?

Кто идет? Кому тут быть?
Кто покой ночной тревожит?
Кто такой шататься может?
Это можно объяснить!

Но не криком, но не словом, —
Пулей, посвистом свинцовым,
Тяжкой русскою гранатой,
Метко пущенной за хатой.

Это можно объяснить!
Но кинжалом и ножом,
Что для немца бережем,
Что для врага лелеем,
Не скупимся, не жалеем.

Это можно объяснить!
Но не долгими словами,
А железными руками,
Что на горле узком вражьем,
Как петля, что не развяжешь.

Ночь. Село. Огни вдали.
Труп немецкий у колодца.
Крик за криком раздается:
— Кто идет?
— Мы пришли!

1942

ЕЛКА

Устала, утихла, упала метель.
Стоит на полянке зеленая ель.

Серебряным блеском холодной луны
Пушистые иглы ослеплены.

А с елкою рядом, не веря глазам,
Стоит на снегу молодой партизан.

Один он... И нету в лесу никого.
Четыре гранаты висят у него.

Еще за плечом автомат у него.
Встречает парнишка в лесу рождество...

Он елку обходит и видит на ней
Кристаллы зеленых и синих огней,

Хлопушки, флажки, золотые шары,
В которых, как в зеркале, видны миры,

Паяцы, морковки, цветы, бубенцы,
Лошадки, коровки и леденцы.

Он елку обходит по снегу кругом,
И чудится парню: под крышею дом.

Зажженная печка и в тенях углы,
И к стенам придвинутые столы.

Он елку обходит и видит на ней
Зеленые вспышки ракетных огней.

Прощается с елкой, по снегу идет —
Туда, где никто его в полночь не ждет.

Стоит на полянке зеленая ель,
Накинув на темные плечи шинель.

1942

Р Я Б И Н А

Здесь все в снегу: стволы берез,
Тропинки, бурелом;
Как будто с неба стаи звезд
Мороз смахнул крылом.

И нет пути, дороги нет,
Она замечена.
На соснах снег, на тучах снег,
И все белее льна.

И только между двух дубов,
Среди ветвей пустых, —
Не тронут стужею, багров, —
Комок крови затих.

Здесь похоронен партизан,
~~Убит он был в пургу...~~
Но там, где кровь лилась из ран, —
Рябина на снегу.

И как ни воет стужа здесь,
Среди берез и звезд, —
Рябине жаркой кровью цвести,
Не стынувшей в мороз.

1942

ПОДСНЕЖНИК

Над корневищами дубов
Темнеет снег неувовимо;
Густые поросли кустов
Охвачены недвижным дымом.

На соснах с южной стороны
Кора, оттаивая, дышит,
И лишь предчувствием весны
В лесу ковер узорный вышит.

И там, где тоненьким ручьем
Омыт в пути сухой валежник,
На бледном стебле, под лучом,
Уже качается подснежник.

И весь он, весь он голубой,
Необъяснимо чист и светел
Его касается губой
Бредущий с юга пьяный ветер.

А от него невдалеке,
У входа в душную землянку,
На покосившемся пеньке
Сидит с ребенком партизанка.

Лицом уткнувшийся в платок,
Еще беспомощный, несмелый,
Он темнорозовый сосок
Губами ищет неумело...

И мать дает ребенку грудь,
Прислушиваясь над снегами,
Как сын старается втянуть
Побольше жадными губами.

И от нее невдалеке,
Чуть видный, невысокий, нежный,
На тонком бледном стебельке
Легко качается подснежник.

А рядом с ним бежит ручей
И на снегу не леденеет;
И мох под тяжестью лучей
На соснах мшистых зеленеет.

1942

VI

ПЕРЕД ЗНАМЕНЕМ

ХУТОР РУССКИЙ

Есть хутор Русский на Кубани,
Там нет сейчас живых домов,
Там горе плавает в тумане
На гребне вздымленных холмов.

Враги его огнем пытали,
Взрывали толком каждый дом,
Четвертовали и сметали,
Чтоб память выветрить о нем.

Но он стоял, степною каждой
За землю русскую торжась,
Огнем палим и мучим жаждой,
Он не желал пред немцем пасть.

Они его пытали, будто
Вобрал он русские края,
Не сто домов, не Русский хутор,
А вся в нем русская земля.

Он засыпал им пеплом лица,
Горел огнями, но не гас;
Он звал соседние станицы
К себе на помощь, в трудный час...

Остался жив... Дома-калеки,
Пустые окна — сквозняком...
Переплывают люди реки,
Бредут из плавней босиком.

С горы идут тропинкой узкой,
Спешат дорогой через лес.

— Куда идете?

— В хутор Русский.

— Откуда вы?

— Из этих мест.

Рассвет в степи встречает тусклый
Людей, идущих чередой...

— Куда идете?

— В хутор Русский.

— К себе домой?

— Домой, домой!

Они его убить хотели,
Но он, как прежде, будет жить.
Убить и хутор не сумели,
А где же землю им убить!

ТАМАНСКИЕ ЛИМАНЫ

Еще один, еще бросок
К высокому кургану;
В глазах песок, во рту песок —
Таманские лиманы!..

Засох камыш, шумит камыш, —
Здесь в камышах траншеи.
И с бруствера степная мышь
Ползет тебе за шею.

Вблизи курган. Курган высок;
Стоят над ним туманы,
Густые заросли осок —
Таманские лиманы!

Мышиный писк, свинцовый визг
Да рокот пулемета,
И над лиманом тыщи искр
— Вставай, иди, пехота!

Еще один, еще бросок
К высокому кургану;
В глазах песок, во рту песок —
Таманские лиманы!..

1943

СТЕПЬ

Родная степь: ковыль да жито,
Да полынок в степи седой, —
Ты перед нами так открыта,
Как мы открыты пред тобой.

Твои яры да перекаты,
Да нитки серые дорог
Степные войны-солдаты
Узнали вдоль и поперек.

И если суслик в поле свистнет,
Лиса метнется за бугром
И над тобой орел повиснет, —
Язык степной для нас знаком.

Мы пили летнюю прохладу
Твоих ночей, твоей земли;
На ложе жесткого приклада
Мы час-другой поспать могли.

Ты приучила нас к победам, —
Родные земли нас зовут,
И за орудиями следом
Седые пахари идут.

1943

* * *

День был и страшным и трудным
В зное, в пыли деревенской —
За день сгоревшая Рудня, —
Семьдесят верст от Смоленска.

Пламень метался багровый
С крыш на сухие деревья...
Перед закатом корова
С поля вернулась в деревню.

Пахло травой дурманной
Тяжко набухшее вымя...
Было ей дико и странно
Видеть проулки пустыми.

Мы подоили корову —
Трое, гремя котелками;
Трое, в огнище багровом,
Трое, мужскими руками

1941

СУХАРЬ

Нас тесным кругом окружали
Враги, разрывы, дым и гарь.
И вот тогда-то мы достали
Ржаной оставшийся сухарь.

Его с тобой переломили,
Как все делили, — пополам,
Водой болотною запили,
И пальцы вновь легли к куркам.

И, может, он придал нам силы
Среди густых, как ночь, кустов.
И мы с тобою от могилы
Ушли, оставив в ней врагов.

1941

* * *

Виктории

Мы ласкаем чужих детей
В полотняных белых рубахах...
Из походной сумки своей
Достаем пожелтевший сахар.

На коленях сидят у нас
И глядят, глядят на медали.
— Где мой папа воюет сейчас?
Вы на фронте его не видали? —

В этом возрасте все они
Друг на друга слегка похожи;
И глазенки у них одни,
И родимые пятна на коже.

Сходством редким и я поражен:
Будто здесь отыскав пропажу,
Кудри белые, словно лен,
Я пухлой огрубевшей глажу.

Может, где-то в моем краю
Бородатый, небритый дядя
Дочку ласковую мою
Так же нежно и бережно гладит.

И она ему в этот час
Говорит и глядит на медали:
— Где мой папа воюет сейчас?
Вы на фронте его не видали?

1943

БЕРЕЗА

Под березою был похоронен комбат.
Мы могилу травкою укрыли...
В ствол березы ударил немецкий снаряд,
И береза упала к могиле,

И ветвями своими припала к траве,
Серебристой корою в накрапах,
И вершиной своею — к его голове,
Обращенной и в смерти на запад.

Так лежала она, прикрывая собой
Свежий холмик могильной земли,
И ее ни снаряды, ни вихрь огневой
Оторвать от него не могли.

1941

СЛОВО О ДРУЖБЕ

П. Г. Кудину

Идет война. Гремят войны раскаты.
Последней пули не отлит свинец;
Последней смерти неизвестна дата.
Шинели скатка за плечом солдата, —
Мы все в строю, любой из нас боец!

Мы смерть не раз встречали на дороге,
Она за нами ходит по пятам,
Она из нас к себе призвала многих, —
Но здесь она споткнется на пороге,
Здесь любят жизнь, пусть смерть идет к чертям!

Морские летчики, вы нынче знамениты,
Сегодня вы в орлиных небесах!
Огнем сражений все по горло сыты.
Все горести от глаз сторонних скрыты,
Лишь седину не скроешь на висках.

Война пройдет, и друг, не постучавши,
Войдет в твой дом под вечер на ночлег, —
В минувший день, суровый день вчерашний
Твой спутник, твой товарищ, однокашник, —
Ну, словом, очень близкий человек.

И ты ему, и он тебе напомним
Геленджика осенние черты,
Далекие невидимые волны,
И песни, уходящие за полночь,
И желтые и синие цветы,

Суровые, военные, простые,
У капониров на сырой земле...
Закаты над Дообом¹ золотые,

¹ Дооб — мыс между Геленджиком и Новороссийском.

На траверзе Анапы — огневые
Без счета трассы в полуночной мгле.

Друзья, друзья! На новых перепутьях, —
Пройдут года, — мы встретимся опять,
Обнимемся, друзья мои, пошутим
И по старинке по цыгарке скрутим,
Затем начнем о прошлом вспоминать.

И где бы ни были, — останется навечно
Высокой дружбы негасимый свет,
Наш честный мир, прекрасный, бесконечный,
Всегда открытый и всегда сердечный,
Незабываемых военных лет.

1943

ПИСЬМО С МЫСХАКО¹

В. С.

Ты скажи, что такое Мысхако.
Как там люди у моря живут?
Это там, где в ночную атаку,
Может, в эту минуту идут;

Это там, где, как в песне, до смерти
Остается четыре шага;
Это там, где норд-ост как завертит, —
Так в дыму и в пыли берега.

Хочешь знать, что такое Мысхако,
Где начало ему и конец?
Это там, где нельзя и поплакать,
Потому что слеза — не свинец.

Рядом рокот стоит орудийный,
В перерывах — кузнечиков треск,
А на небе — прожекторов длинных
Голубой искривляющий крест.

Все здесь в рокоте темных моторов,
И земля и тельняшка в крови;
Все до самых земных разговоров —
О тебе, о себе, о любви...

1943

¹ Мысхако — мыс возле Новороссийска.

ВПЕРЕД!

И лечь бы на землю и в землю уйти,
Ногтями ее разгрести и уснуть бы,
Чтоб только на сутки, на сутки в пути
Во сне успокоить солдатские судьбы.

Как будто бы все безразличья полны,
Лежим мы в степи одичалой, —
И снятся нам сны, беспокойные сны,
И все — без конца, без начала.

Над нами гусиный идет перелет,
Трубят над оврагами осень;
И слышим сквозь сон мы, как слово «Вперед!»
Во сне офицер произносит.

И нет уже сна, и мы видим вокруг
Всю степь, озаренную светом;
Над черной землею, над цепью яруг —
Зеленое пламя ракеты.

— Вперед! — это слово гудит и зовет.
— Вперед! — и мы снова бессонны.
Пол ветер, свинец — все вперед и вперед
Идет наше братство в колоннах.

1943

ПОЛДЕНЬ

Войны обычно кончаются в полдень.
Пушки замолкнут, рассеется дым,
Солнце, сквозь тучи пробившись, заполнит
Небо и землю огнем золотым.

Нас этот полдень застигнет далеко,
Засеребрятся под солнцем виски;
С неба звенящий опустится клекот
И упадет в тишине на пески.

Снова услышим мы шорохи листьев,
Дятла увидим в тени на дубу;
Ветер пройдет над травой по-рысьи,
Волосы русые тронет на лбу.

Мы подойдем к иноземным озерам
И, над прозрачной водой наклонясь,
Радость увидим в немеркнущих взорах,
Сетки морщинок увидим у глаз

Будем мы слушать молчание пушек,
Как, остывая от долгой пальбы,
Будут молчать их железные души —
Спутники нашей военной судьбы.

Все это сбудется. Солнце над лесом
Скоро поднимется. станет в зенит
Воздух наполнен огнем и железом,
Глухо вздыхая, гудит динамит.

Други, товарищи, ратники славы,
Город за городом в битвах падет.
Через пески, через рощи, дубравы
К полдню навстречу, к победе — вперед!

1944

К О Н Е Ц в о й н ы

Где-нибудь во мгле чужого края,
На границе чьей-нибудь страны
Девушка, от пыли вся седая,
Документы наши проверяя,
Скажет нам: «Конец, конец войны!»

И тогда, включив в машине фары,
Мы помчимся в темноте ночной,
Слыша всюду песни и фанфары,
Сердца неумолчного удары,
Вдоль дороги, вдоль по фронтовой.

Где нас утро мирное застанет, —
Розоватый, с холодком, рассвет, —
Там салют из пистолетов грянет
Путников, спешащих с поля брани,
К солнцу дня спешащих, в мир и свет.

Может, на лугу увидев стадо,
Мы, к нему свернув издалека,
Выпьем по старинному укладу
Теплого парного молока.

Запах сладкий мира в нем почуем,
Запах детства, матери, труда.
От чего отвыкли мы, кочуя,
Но к чему вернемся навсегда.

1944

ПЕРЕД ЗНАМЕНЕМ

Перед тем, как покинуть казармы на Шпрее,
Где мы стали полком в сорок пятом году, —
Я пройду полигоны, пройду батареи
И к гвардейскому знамени я подойду.

Постою перед ним, опущусь на колени
И в молчанье припомню былые пути.
По которым пришлось четверем поколениям
От Москвы до Берлина пройти.

Вновь припомню декабрьское хмурое утро
И полянку в сосновом лесу под Москвой:
Падал хлопьями снег, все туманом окутав, —
Непрозрачной лесной синевой.

Клятву Родине все мы тогда приносили,
Неподкупную клятву от сердца всего, —
Дети матери нашей — великой России,
Все солдаты — один в одного;

На снегу трепетало гвардейское знамя,
Как огонь на декабрьской пороше швело,
А потом поднялось, колыхнулось над нами
И на запад бойцов повело!

... Я стою перед ним. Ветер ленты колыхет,
Знаки славы его, что висят у древка;
Стяг гвардейский — и кровью и золотом вышит,
И ему, не померкнув, гореть на века.

И нельзя всех побед рассказать, перечислить,
Были все наяву, повторяются в снах,
Только помню, как ты отражалось на Висле
В обогранных варшавским пожаром волнах.

Помню, в битве вздымая солдатскую славу,
От квартала к кварталу сквозь пламя стремясь,
Трепетало на пепле, на камнях Бреслау
Над затихшим сраженьем в полуденный час.

Я стою пред тобой, преклонивши колени,
Как когда-то в холодном тумане зимы.
Клятву дали тогда, что тебе не изменим —
От нее никогда не откажемся мы.

Перед тем, как уйти за родную границу
И пойти по широкой гражданской тропе, —
Я пришел, чтоб тебе до земли поклониться,
Прикоснуться, прощаясь, губами к тебе.

1945

САД

Перед войной дубок я посадил.
Пришла война, — ну, думаю, пропал он,
Ведь я его ничем не оградил, —
Да оградишь ли детство от металла?!

В родном краю я не был много лет,
Вернулся вновь — разлуки и потери;
Те умерли, те ранены, тех — нет,
Крест-накрест заколоченные двери.

Я в сад вошел... Казалось, он забыт
Военными тяжелыми годами...
Вдруг слышу — тихо надо мной шумит
Дубок-подросток юными ветвями.

Да это ж мой! Мой саженец, дитя,
Уже окрепшее, покрытое корою,
Стоит, под солнцем листьями блестя,
И смотрит сверху на меня героем.

И я стоял, и на него смотрел,
И гладил ветви грубыми руками...
Ведь я забыл, что сад вокруг шумел
И охранял растущего стволами!

1945

НА ПЕРЕВАЛЕ

Горн пропел за окном, —
Я вскочил, как бывало,
И потертым ремнем
Затянулся, как встарь.
Песня грянула в дом,
Налетела обвалом,
Заиграла под солнцем,
Как старый янтарь.

Пионерская песня...
То отряд собирался, —
Загорались косынки,
Как маки в окне.
А недавно
По трубному звуку я мчался,
Пригибаясь над холкой
На рыжем коне.

А недавно
Горели, как алые маки,
Наши шашки под солнцем,
Как наша судьба, —
И, бросая нас в пекло
Свистящей атаки,
Пела в небе багряном
Казачья труба.

А теперь —
Я поднялся по пению горна
И стою одинокий
У желтых ворот...
Это сын мой,
Мальчишка
Веселый, упорный,
Однолетков своих
Под знамена зовет.

Вот построились дружно
И тронулись с места.
Мне мигнул незаметно
По пути мальчуган.
Барабан пионерский
Заменяет оркестр,
Он гремит неумолчно,
Гремит барабан!

Я стою у ворот,
Взглядом их провожая, —
Пыль клубком поднялась,
На ходу взметена...
Начинается жизнь
У мальчишек — большая,
Как когда-то у нас
Начиналась она.

Мы играли в лесах
Пионерские зори;
Алый флаг поднимали
Весной в лагерях;
Мы бродили в горах,
Мы стояли в дозоре,
Мы купались, ныряли
В прозрачных морях.

Ах ты, юность,
Куда же исчезла ты,
Скрылась?
И какой же по счету
Нам год миновал, —
Сколько весен прошло,
Как же это случилось,
Что взошли мы уже
На крутой перевал?

Но я слышу звучание
Медного горна.
Он сверкает под солнцем,
Как осени лист, —

Это в бурке лохматой,
Простреленной, черной,
Приподнявшись на стремяни,
Песню играет горнист.

Так звучи же, труба,
Над землей, золотая,
Словно горн пионерский,
Утрами буди!
Пусть, как прежде,
От песни взлетая,
Сердце воина дрогнет
В солдатской груди.

1945

ВЕСНА НА ЮГЕ

В это время тополя
Шелестят ветвями.
Дышит черная земля
Теплыми парами.

Посмотри на степь. Над ней
Тонкое дрожанье.
Пахнут стены куреней
Сладкими дрожжами.

На скрещении дорог,
Раздувая ноздри,
Золотистый стригунок
Ржет в весенний воздух,

А потом, задравши хвост,
Мчится, что есть силы,
Бьет копытками об мост,
Дробно по настилу.

Домовитые грачи
Вдоль дороги ходят
И пшеничные харчи
В колее находят.

Здесь везли на степь зерно,
~~Жито золотое~~
Жизнью новою оно
Туго налитое.

Разгорается восход
В утреннем тумане.
Песня девичья плывет
На бригадном стане...

Где бы ни был я вдали
От родной округи,
Я тоскую в эти дни
По весне на юге,

По курганам, по степи,
По дорожным вехам,
Что ни пешим не пройти,
Ни верхом проехать,

По горячим табунам
На степном раздолье,
Где пришлось когда-то нам
Воевать за волю!

1946

VII

НАД БЕРЕГОМ ЧЕРНОГО МОРЯ

ТОСТ ДРУЖБЫ

Чашу дружбы поднимали
За отца — главу семейства
И за мать — его подругу
В долгой жизни и труде.
Поднимали чашу дружбы
За сынов-красноармейцев:
Старший в небе, средний в поле,
Младший ходит по воде.

Чашу дружбы поднимали
За красавиц черноглазых,
За красавиц черноглазых
Обходила чаша круг.
Дочерей Сандро узнаешь
В час веселья, в будни, в праздник,
И в садах, и в танце плавном
По движенью белых рук.

Чашу дружбы поднимали,
Тосты мы произносили;
Тосты к вечеру затихли, —
Не исчерпано вино...
Предлагаю — за чинары:
С двух сторон они склонились
Над ручьем быстрогобежущим,
Опуская тень на дно.

Где бы ни был я вдали
От родной округи,
Я тоскую в эти дни
По весне на юге,

По курганам, по степи,
По дорожным вехам,
Что ни пешим не пройти,
Ни верхом проехать,

По горячим табунам
На степном раздолье,
Где пришлось когда-то нам
Воевать за волю!

1946

VII

НАД БЕРЕГОМ ЧЕРНОГО МОРЯ

ТОСТ ДРУЖБЫ

Чашу дружбы поднимали
За отца — главу семейства
И за мать — его подругу
В долгой жизни и труде.
Поднимали чашу дружбы
За сынов-красноармейцев:
Старший в небе, средний в поле,
Младший ходит по воде.

Чашу дружбы поднимали
За красавиц черноглазых,
За красавиц черноглазых
Обходила чаша круг.
Дочерей Сандро узнаешь
В час веселья, в будни, в праздник,
И в садах, и в танце плавном
По движенью белых рук.

Чашу дружбы поднимали,
Тосты мы произносили;
Тосты к вечеру затихли, —
Не исчерпано вино...
Предлагаю — за чинары:
С двух сторон они склонились
Над ручьем быстробегающим,
Опуская тень на дно.

Перед входом в сад тенистый
Воды их разъединили,
Но они, сплетая ветви,
Над водой стоят вдвоем.
Этот облик нашей дружбы
Мы навеки сохранили —
Где б мы ни были, мы будем,
Как чинары над ручьем.

1939

СЫН

Осенними яствами полон
Под кедром раскинутый стол.
В кувшинах хранящийся холод
Гостей в восхищение привел.

Вино разливает хозяин,
Он чокнуться с каждым готов,
Он смотрит хмельными глазами,
Он сед и могуч и здоров.

С предгорья спускается осень, —
На золоте нить багреца...
А юноша вина подносит,
Следя за глазами отца.

Я нравов абхазских не знаю.
Зову молодого орла
И чашу ему предлагаю,
И место в кругу у стола.

Но юноша только краснеет,
Не надо ему ничего...
Вот если отец захмелеет,
Он сядет на место его.

1939

ПОТОК

Лист закружится и потонет,
Ветка скроется под водой...
Кто тебя по камням догонит,
Неумолчный поток седой?

И студеный ты и бурливый
Среди пены и града брызг...
Словно конь, молодой, белогривый,
По ущелью несешься вниз.

Не объезжен и не покорен,
Ты хранишь, на скаку дрожишь;
Ты врываешься с криком в море,
Нарушая отлива тишь.

И, оправившись от удара
И почувяв себя волной,
Ты выносишь листок чинара,
Словно парусник золотой.

1939

СТРОИТЕЛИ ДОРОГ

Дороги нет... Нависнувшие скалы
Скрывают солнца каждодневный путь —
И не пройти к далеким перевалам,
Ни влево и ни вправо не свернуть.

Они приходят, начинают снизу.
Буравят гору, достают запал, —
И вот уже грохочет по карнизу
Неукротимый каменный обвал.

И тишина... И только пыль садится
На громом оглушенную траву,
В провале неба поднятая птица
Круженьем долгим метит синеву.

С откоса вниз они бросают камни,
Берут дубы, что пали поперек, —
Спокойные пришедшие недавно
Суровые строители дорог.

1939

БУЙВОЛЫ

Натруженные за день на работе,
Они склоняют тяжкие рога
И длинною тягучею зевотой
Над Бзыбью оглашают берега.

А мимо них с шипением и ревом
Грохочет Бзыбь лавиной ледяной,
Круша стволы могучих скользких бревен
И громоздя их на камнях стеной.

А буйволы, суровые, как тени,
Упавшие с горы на берега,
На камни долго смотрят с удивленьем,
Что так легко ворочает река.

1939

НАД БЕРЕГОМ ЧЕРНОГО МОРЯ

Итти, как соловей свистать,
Листы зеленые листать,
Пятнадцать верст пройти, устать,
Присесть над крутизной.
Смотреть, как в небе облака
Плывут, плывут издалека,
Как море плещет в берега
Зеленою волной.

Подняться вновь, и вновь, и вновь
Итти у желтых берегов,
И слышать хруст своих шагов,
И слышать волн прибой,
И слышать, как шумит самшит,
Как ручеек с горы бежит,
Как стрекоза в кустах звенит
Пронзительной струной.

Найти стремящий водопад,
Где капли бьют, как в камень град,
Где звук оттенками богат,
И, взяв крутой подъем,
Увидеть склоны синих гор,
И солнца золотой костер,
И уходящий на простор
Могучий волнолом.

Вот так итти, свистать и петь,
На кручи дикие смотреть,
Забыть любовь и не жалеть
Твоя иль не твоя...
О, склоны гор в густых лесах,
О, виноградников краса,
Камней прибрежных полоса, —
Абхазия моя!

VIII

КАМА — ВОЛГА

ТАНКЕР

Глубоко посаженный под воду, —
Мимо волжских плесов и высот, —
Маслянисто-жирную породу
Он в железном тулове несет.

Сложены надраенные тросы
Горками на черную броню,
Без рубах на палубе матросы
Ходят, словно черти, по огню.

В устье обжигал их «астраханец»
И песками желтыми калил...
Наводя, как для парада, глянец,
Танкер к Сталинграду подходил.

Кручи обгаренные и плесы
И над ними — огненный закат...
Проплывая Сталинград, матросы
Вдоль по борту левому стоят.

Вот уже навстречу вырастают
Жигули — пристанище ветров,
Ходит под обшивкой нефть густая,
Дар азербайджанских мастеров.

Все, что ей положено, — исполнит,
Честь бакинских вышек сохранит,
Баки пароходные заполнит,
Дымом над лесами задымит.

Вязкая, ленивая в движенье,
Место в каждом дизеле найдет;
Провода с высоким напряженьем
Над землею зеленою взметнет.

Танкер с нефтью движется по Волге,
Пристани проходят чередой, —
Валет ему, застыв в поклоне долгом,
Кланяются квы над водой.

1947

ПЛОТОГОН

Посреди реки изба,
Над окошками резьба,
Сбоку Кама бьет волной,
Плот по Каме движется.
На плоту горит костер,
У костра лежит багор,
Дым над поймою речной
В три колечка нижеется.

Гонит Камой плотогон
Леса сто один вагон,
Дуб, осина и сосна
Срублены и спилены
В той таежной стороне,
Где летают по весне,
Просыпаясь ото сна,
Глухари и филины.

Там стоял и стук, и гром
Под пилой, под топором,
И летела без числа
Стружка золотистая
Отлетала прочь кора,
Где встречались мастера,
Где в лесу изба росла
От смолы лучистая.

Лесоруб сказал: — Дадим!
Пусть трубою вьется дым,
Пусть в подарок Сталинград
Примет, не чурается,
А как выстроится он,
В сталь одетый и в бетон,
Всем, чем будет он богат,
С нами рассчитается.

И пошла, пошла изба —
Позакамская резьба.
Дым над поймою речной
В три колечка нижеется.
На плоту горит костер,
У костра лежит багор,
Сбоку Кама бьет волной,
Плот по Каме движется.

1947

ЗЕМЛЕЧЕРПАЛКА

Жужжит медноголосый шмель
Блестя крылами слюдяными,
Летит над Волгою на мель,
Где пахнет травами сырыми.

Сжимая горло у реки
Как будто цепкими руками,
Ползли подводные пески
Между крутыми берегами.

Но как-то ясным летним днем
Сюда пришел, вздыхая глухо,
Какой-то странный темный дом.
А по-рыбачьему — грязуха!

Она расправила бока
И протянула долу длани, —
И вот услышала река
Лопат железных лопотанье

Как будто здесь завод стоял,
Как будто золото искали, —
Так за совком совок мелькал,
Начищенный до блеска стали.

Песок еще не понимал:
Куда его? Зачем тревожат?
Такой он скрежет подымал,
Когда его трясли из ложа!

А мимо пароходы шли
И по-над Волгою гудели:
— Давай его, трясн, мели!
Чего он здесь, на самом деле?!

Гудки гудели на ходу-у:
— У нас с тобой одна закатка,
Твоя работа на виду-у,
Гордись, сестра землечерпалка!—

У самых Жигулевских гор,
Где встала круча вековая,
Она стояла, как сапер,
Дорогу войску открывая.

1947

В СТАРОМ ЗАТОНЕ

Здесь летом тихо от восхода
И до заката над водой,
Судоремонтного завода
Не слышен гулкий разнобой.

Летят над пристанью пушинки,
Растаял на воде мазут,
И смело желтые кувшинки
По синей заводи плывут.

Идут по Кама пароходы
И, за косою, с двух сторон,
Ломая вспененные воды,
Гудком приветствуют затон.

Они еще сюда вернутся,
Когда закружатся снега,
Когда на Кама льды сомкнутся,
Соединяя берега.

И вот тогда затон воспрянет,
Зажжет полночные огни,
Железным перестуком грянет
По шву испытанной брони.

Услышит Кама в отдаленье
Морозным полднем января,
Как гром в машинном отделенье
Подымут дружно слесаря.

И зацветут сияньем ярким
На косогоре у реки
Огни ночной электросварки,
Как на поляне васильки.

Здесь долго будет шум рабочий
Лететь в свистящий небосвод,
Пока вдали не загрохочет
Весной рожденный ледоход,

Когда началом навигаций
Рванутся льдины напролом,
Когда в одно соединятся
Рабочий стук и вешний гром.

1947

ЕСТЬ НА ВОЛГЕ УТЕС...

Как высокий утес, элеватор стоит,
Руки длинные вытянув к пристани.
Там баржа у речного причала скрипит,
Там буксиры кричат голосистые.

Там пшеницы густой золотистый поток
По конвейеру вверх подымается;
Со середины реки пароходный гудок
В недалеком затоне теряется.

Там, где глинистый берег отвесен и крут, —
Пристань ветром заволжским овеяна,
И волжанки пшеницу лопатой гребут,
На конвейер бросая уверенно

«Есть на Волге утес»... — где-то песня встает,
Будто нами рожденная сызнова,
Словно нам ее кинул в ночи пароход,
Проходящий с низовьев по Смерани.

Есть на Волге утес... Он на круче стоит,
Запасаясь пшеницею на зиму.

Там, где песня о Родине нашей летит
И сливается с песней о Разине,

1947

„ВАНЦЕТТИ“

По Волге плыл буксир «Ванцетти», —
И от него вразрез волны
В багрово-розоватом цвете
Катились к суше буруны.

За ним тянулась на канате
Тысячетонная баржа,
На каждом волжском перекате
От напряжения дрожа.

Буксир приветливо встречали
И узнавали за версту,
Он кес по водной магистрали
«Ванцетти» имя на борту.

Он здесь был равным среди равных,
Он полной грудью здесь дышал, —
Когда судком над Волгой плавной,
Он всю округу олашал.

Входил он на рассвете в Горький,
Восходом солнца озарен...
...Вот так бы жить ему в Нью-Йорке
И так бы бороздить Гудзон.

Ему бы не ходить сутуло,
Поремной камеры не знать,
У электрического стула
Последний якорь не бросать.

Ему бы статую Свободы
Свободным ветром опахнуть
И, бороздя речные воды,
Уйти опять в далекий путь.

ЕСТЬ НА ВОЛГЕ УТЕС...

Как высокий утес, элеватор стоит,
Руки длинные вытянув к пристани.
Там баржа у речного причала скрипит,
Там буксиры кричат голосистые.

Там пшеницы густой золотистый поток
По конвейеру вверх подымается;
Со середины реки пароходный гудок
В недалеком затоне теряется.

Там, где глинистый берег отвесен и крут, —
Пристань ветром заволжским овеяна,
И волжанки пшеницу лопатой гребут,
На конвейер бросая уверенно.

«Есть на Волге утес»... — где-то песня встает,
Будто нами рожденная сызнова,
Словно нам ее кинул в ночи пароход,
Проходящий с низовьев до Сызрани.

Есть на Волге утес... Он на круче стоит,
Запасаясь пшеницею на зиму.
Там, где песня о Родине нашей летит
И сливается с песней о Разине.

1947

„ВАНЦЕТТИ“

По Волге плыл буксир «Ванцетти», —
И от него вразрез волны
В багрово-розоватом цвете
Катились к суше буруны.

За ним тянулась на канате
Тысячетонная баржа,
На каждом волжском перекате
От напряжения дрожа.

Буксир приветливо встречали
И узнавали за версту,
Он нес по водной магистрали
«Ванцетти» имя на борту.

Он здесь был равным среди равных,
Он полной грудью здесь дышал —
Когда гудком над Волгой плавной,
Он всю округу оглашал.

Ехал он на рассвете в Горький,
Восходом солнца озарен...
...Вот так бы жить ему в Нью-Йорке
И так бы бороздить Гудзон.

Ему бы не ходить сутуло,
Тюремной камеры не знать,
У электрического стула
Последний якорь не бросать.

Ему бы статую Свободы
Свободным ветром опажнуть
И, бороздя речные воды,
Уйти опять в далекий путь.

Увидеть радостные лица,
В рабочих блузах Уолл-стрит...
...«Ванцетти» это только снится,
Когда он в Куйбышеве спит!

1947

IX

ПЕСНИ

★

КАК У ДУБА СТАРОГО

Как у дуба старого, над лесной криницею,
Кони бьют копытами, гривой шелестя...
Ехали мы, ехали селами, станицами
По-над тихим Доном, по донским степям.

Пел в садах малиновых соловей-соловушка,
Да шумели листьями в рощах тополя...
Поднималось солнышко, молодое солнышко,
Нас встречали первыми песней на полях.

Эх ты, степь широкая, житница колхозная,
Край родимый, радостный, хорошо в нем жить.
Едем мы, казаченьки, едем, краснозвездные,
В конницу Буденного едем мы служить.

Как приедем, скажем мы боевому маршалу:
«Мы пришли, чтоб Родину нашу защищать.
Ни земли, ни травушки, ни простора нашего
Иноземным врагам в жизни не видать».

Кони бьют копытами над лесной криницею,
Поседлали конники боевых коней...
Ехали мы, ехали селами, станицами
По-над тихим Доном, в даль родных степей.

ПО ДОНУ ГУЛЯЕТ КАЗАК МОЛОДОЙ

Играет низовка свинцовой водой,
По Дону гуляет казак молодой,
По Дону гуляет, волну загребаёт,
Над ним пролетает орел степовой.

Просмоленный парус, дубовый баркас...
— Куда ж уезжаешь, парнишка, от нас?
— Куда уезжаю, еще я не знаю,
Настал расставанья, товарищи, час.

Быть может, поеду на Дальний Восток,
А может, на юг, на сыпучий песок,
А может, на запад, где пороха запах,
Настал расставанья, товарищи, срок.

О чем, дева, плачешь, о чем слезы льешь?
Меня позабудешь, другого найдешь;
Меня позабудешь или сам помнить будешь,
Такого как я ты больше не найдешь.

— Ах, как мне не плакать, казак молодой,
Хочу я с тобою в дозоры и в бой.
Покину станицу, хочу на границу,
Да нету приказа, чтоб ехать с тобой...

Играет низовка свинцовой водой,
А в небо взлетает орел степовой,
Он в небе летает, он вдаль призывает.
По Дону гуляет казак молодой.

1938

КАЗАЧЬЯ КРУГОВАЯ

Клинок и седло да конек быстроногий —
Казачья судьбина-судьба...
Зовет казака из станицы в дорогу,
В поход боевая труба.

Гей, гей, казаки, по полкам, эскадронам
Питомцы студеной волны;
Мы тихого Дона, родимого Дона
И в жизни и в смерти сыны.

Война поднимается пламенем вешим,
В полнеба огней языки...
От моря до моря, как молнии, блещут
Казачьи, кривые клинки.

Гей, гей, казаки, по полкам, эскадронам,
Питомцы студеной волны;
Мы тихого Дона, родимого Дона
И в жизни и в смерти сыны.

Качаясь в седле, ты объедешь, товарищ,
В боях половину земли.
Но где бы ты ни был, ты в сердце оставишь
Степные свои ковыли.

Гей, гей, казаки, по полкам, эскадронам,
Питомцы студеной волны;
Мы тихого Дона, родимого Дона
И в жизни и в смерти сыны.

Пройдешь через дым, через пепел пожарищ
В казачьем походном седле...
И слава о Доне, о снем, товарищ,
Пройдет за тобой по земле.

Гей, гей, казаки, по полкам, эскадронам,
Питомцы студеней волны;
Мы тихого Дона, родимого Дона
И в жизни и в смерти сыны.

1942

БЕСЕДА

Поил казак-конногвардеец
Коня студеною водой,
Коня поил и вел беседу
С дивчиной славной, молодой.

«Живет на хуторе невеста,
Стройна, как вешняя лоза,
Ты на нее слегка похожа,
Такие ж черные глаза».

Ему дивчина отвечала:
«Ушел на фронт любимый мой,
Ты на него похож немного,
Такой же смелый и простой.

Коль ты его в бою увидишь,
Ему, казак, ты передай:
Пусть бьет врага и защищает
Свой отчий дом, родимый край.

Его любимая подруга
Ему попрежнему верна
И часто-часто вспоминает
Его ночами у окна».

Труба поход, поход играет,
И конь копытом землю бьет...
Казак прощается с дивчиной,
Казак на запад в бой идет.

1942

ЧЕРЕЗ МОСТ

Шел казак на побывку весной,
Через мост шел дорогой прямой...
Обломилась доска,
Подвела казака,
Искупался в реке ледяной.

Он взошел на крутой бережок
И костер над рекою зажег...
Мимо девушка шла
И к нему подошла:
— Что с тобою случилось, дружок? —

Улыбнулся казак над огнем:
— Осетра я искал подо льдом,
Не нашел осетра,
Больно речка быстра,
Зачерпнул я воды сапогом. —

Отвечала девица ему:
— Не коптись, дорогой, на дыму.
Ты ходить не спеши,
Сапоги просуши,
Мы огонь разведем на дому. —

Был казак тот еще молодой,
И к тому же он был холостой.
Ах, дочечка, доска,
Подвела казака,
Не дошел он до дому весной.

1946

КРАСНОТАЛ

Когда над берегом сиял
У Дона месяц, загораясь,
Шумел высокий краснотал,
С волной студеною встречаясь.

Ах, краснотал, мой краснотал,
Ты все ли мне тогда сказал?
Ах, краснотал, мой краснотал,
Кого ты ночью темной ждал?

Шел казачок к реке вдвоем,
Смотря своей любимой в очи.
Ее отцовским пиджачком
Он укрывал степною ночью.

Ах, краснотал, мой краснотал,
Ты все ли мне тогда сказал?
Ах, краснотал, мой краснотал,
Кого ты ночью темной ждал?

Они смотрели, как горел
Далекий бакен по-над Доном;
Они слышали, как шумел
Камыш у берега зеленый.

Ах, краснотал, мой краснотал,
Ты все ли мне тогда сказал?
Ах, краснотал, мой краснотал,
Кого ты ночью темной ждал?

Своей дивчине казачок
В любви горячей жарко клялся,
Не замечал, как пиджачок
С любимых плеч к траве спускался.

Ах, краснотал, мой краснотал,
Ты все ли мне тогда сказал?
Ах, краснотал, мой краснотал,
Кого ты ночью темной ждал?

Они сидели над рекой,
Река о чем-то говорила...
И билось, билось под рукой
У казака сердечко милой.

Ах, краснотал, мой краснотал,
Ты все ли мне тогда сказал?
Ах, краснотал, мой краснотал,
Кого ты ночью темной ждал?

ШЕЛЮГА

Шелюга, ты, шелюга,
Где же ты росла?
На тебе весной серьга
Белая цвела.

Шелюга, ты, шелюга,
Гибкий краснотал,
Над тобою облака
Вечер с Дона гнал.

У дороги, на песке,
Красная, растешь,
Будто в зелени, в леске
Отдохнуть зовешь.

Выйдет в поле молода
Думать про свое...
Веткой ласковой тогда
Обними ее.

Может, вздрогнет: «Чья рука?
Кто меня обнял?»
Шелюга, ты, шелюга,
Гибкий краснотал.

Шелюга, ты, шелюга,
Где же ты росла?
На тебе весной серьга
Белая цвела...

Выйдет в поле молода,
Думать про свое...
Веткой ласковой тогда
Обними ее.

1939

КАВУН

Шуточная

Как настало времечко
Выйти вешнему лучу,
Посадили семечко
На колхозную бахчу.
Расти, игрун,
Расти, кавун,
Мы тебя польем,
От града сбережем,
Расти, расти, кавун.

Припекало солнышко,
Дождик землю поливал,
Разрасталось зернышко,
И цветочек расцветал.
И рос кавун,
Играл игрун,
Соки набирал,
Под листиком лежал,
Так рос, так рос, так рос кавун.

Под зеленым листиком
Стало тесно кавуну,
Он полнел и ширился,
И полез он в вышину
Как дом, кавун
Стоит, игрун,
Идет к нему народ,
А он себе растет,
Растет, растет, растет кавун.

Всех в станице радуют
Теплой осени лучи,
Мы кавун бригадою
Оторвали от бахчи.

Готов кавун,
Созрел игрун.
Мы его берем,
На тракторе везем,
Горой лежит, лежит кавун.

Меду наварили мы,
Закружили хоровод.
Всей станицей пили мы
Кавуна пахучий мед.
Ведь был кавун, —
Стал мед-игрун.
Вот и весь рассказ,
Как был кавун у нас,
Какой кавун, донской кавун!

1938

ПЕСНЯ О ДВАДЦАТИ ВОСЬМИ

Кружилась в поле злая осень,
Летела поздняя листва,
Их было только двадцать восемь,
Но за спиной у них Москва.

На них чудовища стальные
Ползли, сжимая полукруг...
— Так защитим Москву, родные, —
Сказал гвардейцам политрук.

И все решили за Клочковым:
— Пусть мы умрем — им не пройти!... —
И вот уже в огне багровом
Ползают танки на пути.

Летят бутылки и гранаты,
Последний бой всегда суров!
— Бей за Москву, за нас ребята!
В последний раз кричит Клочков.

Не пропустили вражьи танки
Герои Родины своей,
В сырой земле лежат останки,
Лежат тела богатырей.

И слезу им ветра разносят,
И слышит Родина слова:
— Их было только двадцать восемь,
Но за спиной была Москва!

1942

ПЕСНЯ О ШИНЕЛИ

Когда идем повзводно мы
Далекой стороной,
Шинель моя походная
Всегда в пути со мной.

Она всегда, как новая,
Подрезаны края,
Армейская, суровая,
Родимая моя.

Когда врага жестокого
В боях мы разгромим.
Вернемся издалека мы
К подруженькам своим.

И снимем незабытую
В своем родном краю
Шинель, в боях пробитую,
Родимую свою.

Ее не даром дали нам,
В ней честь ходить для нас:
Ведь в ней родного Сталина
Мы видели не раз.

Идем войной народною,
У нас святая цель.
Всегда на нас походная
Армейская шинель.

1941

СПОЕМ, ТОВАРИЩИ!

Когда смолкает гром орудий
И залпов больше не слышать,
Мы говорим о тех, кто любит
Нас нежным словом вспоминать,
О том, как мы с врагом сражались,
Как шли в походы по полям,
Одной шинелью укрывались,
Сухарь делили пополам.

Споем, товарищи,
Друзья родимые,
О том, как наша дружба хороша!
Давай, товарищи,
Споем любимую!
По песне дружбы истомилась душа.
Друзья родимые,
Споем любимую!
По песне дружбы истомилась душа.

Мы локоть к локтю шли в атаки
И были рядом мы в бою.
Никто из нас в тиши не плакал
О тех, кто пал в родном краю.
Но мы за них жестоко мстили
И счет вели суровым дням.
Мы позже вспомним, как делили
Печаль и радость пополам.

Споем, товарищи,
Друзья родимые,
О том, как наша дружба хороша!
Давай, товарищи,
Споем любимую!
По песне дружбы истомилась душа.
Друзья родимые,
Споем любимую!
По песне дружбы истомилась душа.

Когда-нибудь мы вспомним снова,
Как побеждали мы в боях,
Как с нетерпением ждали слова
О наших близких и друзьях.
Мы так сумели породниться,
Что стала смерть не страшной нам.
Готов был каждый поделиться
Друг с другом жизнью пополам.

Споем, товарищи,
Друзья родимые,
О том, как наша дружба хороша!
Давай, товарищи,
Споем любимую!
По песне дружбы истомилася душа.
Друзья родимые,
Споем любимую!
По песне дружбы истомилася душа.

ПОЙ, ИГРАЙ, ГАРМОШКА

Поезд из Тамбова
Мчится по путям,
Парня молодого
Он везет к боям.

Пой, играй, гармошка,
Едет первый взвод...
Дальняя дорожка
Товарищей зовет.

Где-то за туманом,
Там, в краю родном,
У реки поляна.
На поляне дом...

Пой, играй, гармошка,
Едет первый взвод...
Дальняя дорожка
Товарищей зовет.

Может, ночью длинной
Девонька не спит,
Ягода-рябина
К ней в окно стучит.

Пой, играй, гармошка,
Едет первый взвод...
Дальняя дорожка
Товарищей зовет.

Ничего, товарищ
Милый, не грусти, —
К домику родному
Вновь придут пути.

Пой, играй, гармошка,
Едет первый взвод...
Дальняя дорожка
Товарищей зовет.

Разверни гармонь ты.
Пой, стрелковый взвод. —
Пуля нас не тронет,
Смерть нас не возьмет.

Пой, играй, гармошка,
Едет первый взвод...
Дальняя дорожка
Товарищей зовет.

У ЛЕСНОЙ ОПУШКИ

У лесной опушки
Проходили пушки,
Проходили танки,
Шел за взводом взвод;
Проходили мимо
Около дивчины,
Той, что направляла
Их флажком вперед.

Вперед, вперед!
Да на врага, ребята!
Слава русского солдата,
Гей, живет!

— Ах ты, Люба, Люба!
Вишневые губы,
Вишневые губы,
Черные глаза.
Что ж не засмеешься,
Нам не улыбнисься,
Иль тебе не любви
Наши голоса?

Вперед, вперед!
Да на врага, ребята!
Слава русского солдата,
Гей, живет!

Отвечала Люба,
Вишневые губы:
— Все мне очень любви,
Лучше не найдешь!
Только по дороге
Вас проходит много,
Улыбаться за день
Очень устаешь.

Вперед, вперед!
Да на врага, ребята!
Слава русского солдата,
Гей, живет!

В это время мимо
Ехал парень милый.
Черная кубанка,
Красный башлычок...
Люба обернулась,
Люба улыбнулась,
Щеки заалели,
Как ее флажок.

Вперед, вперед!
Да на врага, ребята!
Слава русского солдата,
Гей, живет!

1945

САДОВНИК

На войне. в сражениях.
Победных наступлениях,
Где каждый по-душевному друг с другом
подружил, —

Не героем-летчиком,
А просто пулеметчиком
Садовник из питомника Смоленского служил.

— Версты, рвы да надолбы, —
Подумать, братцы, надо бы,
Берлин уже виднеется на дальнем берегу...
Если нам доверили.
Так на каком на дереве
Мы Гитлера-разбойника повесим на суку?

Жалко иву милую,
Березоньку красивую,
Осину да ель зеленую не хочется ломать.
Может, образину мы
Да вздернем на осину мы —
Придется ей за общество немного пострадать. —

Гвардии полковнику
Сказали про садовника,
И командир садовника поговорить зовет:
— Мы для этой гадины
Отыщем перекладину,
Ну, а живое дерево пускай себе растет!

1945

РОСТОВ-ГОРОД

Мы жили в этом городе.
Любили в этом городе,
Ходили в этом городе гулять...
Как шли мы с разговорами,
С гитарой, с переборами
С подружками любили напевать:

Ростов-город, Ростов-Дон,
Синий звездный небосклон,
Улица Садовая,
Скамеечка кленовая,
Ростов-город, Ростов-Дон.

Пришла война суровая,
Зажгла огни багровые.
Хлебнули мы свинцового дождя...
И, оставляя город наш,
Любимый, светлый город наш,
Мы в сердце уносили, уходя:

Ростов-город, Ростов-Дон,
Синий звездный небосклон,
Улица Садовая,
Скамеечка кленовая,
Ростов-город, Ростов-Дон.

Но вот вернулись снова мы,
Давя врага подковами,
Сметая каски вместе с головой!
Наш город — слава новая,
Наш город — жизнь суровая,
Идем мы вновь знакомой мостовой.

Ростов-город, Ростов-Дон,
Синий звездный небосклон,
Улица Садовая,
Скамеечка кленовая,
Ростов-город, Ростов-Дон.

1941

ШУМЕЛ СУРОВО БРЯНСКИЙ ЛЕС...

Шумел сурово Брянский лес,
Спускались темные туманы,
И сосны слышали окрест,
Как шли на немцев партизаны.

Тропою тайной меж берез
Спешили дебрями густыми,
И каждый за плечами нес
Винтовку с пулями литыми.

В лесах спасенья немцам нет:
Летят советские гранаты,
И командир кричит им вслед:
— Громи захватчиков, ребята!

Шумел сурово Брянский лес,
Спускались темные туманы,
И сосны слышали окрест,
Как шли с победой партизаны.

1942

ГОЛУБОЕ ДОНЫШКО

Как березовым лесочком,
Где стоял седой туман,
По багряным по листочкам
Ехал лесом партизан.
Молодая партизанка
Ожидала паренька.
А на нем была кубанка,
Кучерявые бока.

Ах, кубанка-партизанка,
Голубое донышко...
Ах, знакомая полянка,
Золотое солнышко!

Ехал лесом, ехал полем;
Вдруг он видит: вдалеке
По осенней желтой воле
Ходит ворог налегке.
Партизан с плеча снимает
Неразлучный карабин
И с коня, с коня стреляет:
— Не гуляй ты, сукин сын!

Ах, кубанка-партизанка,
Голубое донышко...
Ах, знакомая полянка,
Золотое солнышко!

На полянке, у землянки,
Ждет его давно отряд.
Дарит, дарит партизанке
Он трофейный автомат.
А она его целует —
Пусть дружки стоят кругом.
Пусть осенний ветер дует —
Им не холодно вдвоем.

Ах, кубанка-партизанка,
Голубое донышко...
Ах, знакомая полянка,
Золотое солнышко!

1942

МЕЖ СОСНОВЫМИ ЛЕСАМИ

Меж сосновыми лесами
В Белоруссии родной
Ходят, ходят партизаны,
Все из местности одной.

Как смотрели партизаны
За дорогой столбовой...
Эх, да зоркими глазами
Увидали полк чужой.

Едут-едут на машинах, —
Что им надобно у нас?
Ах ты, ягода-рябина,
Что ж ты кровью налилась!

Ах ты, ягода-рябина,
Нам они свинец везут...
Не доедут на машинах
И обратно не уйдут.

Партизаны вышли быстро,
Чтоб врагов с пути смести,
И гранатами фашистов
Забросали на пути.

Кто лежит с осколком в сердце,
Кто с разбитой головой...
Не ходить им по советской,
По дороге столбовой.

Меж сосновыми лесами
В Белоруссии родной
Ходят, ходят партизаны,
Все из местности одной.

1941

ОРЛИНАЯ СЕМЬЯ

В далекий путь идет
Наш грозный самолет.
Дрожит трава,
А синева
С тобою нас зовет.

Морская бьет волна,
А жизнь у нас одна.
Нам в ночь лететь,
Вперед смотреть,
Пусть ночь темным-темна!

Для нас желанный дом —
Родной аэродром.
Не раз в огне
На стороне
Мы думаем о нем.

Налей стакан вина!
Любовь у нас одна
Есть милый дом,
И в доме том
Нас ждет всегда она.

Да будет жить моя
Орлиная семья!
Чтоб каждый мог
Смотреть, дружок,
Как дружим ты да я!

1943

ХОДЯТ СОКОЛЫ

Ходят соколы, в небе соколы,
Вьются-кружатся надо мной,
Возле берега над осокою,
Над широкою над рекой.

Ждут призывного крика-посвиста
От товарищей, от друзей,
Чтобы броситься, в битву броситься
Да на врага стайей всей.

Ходят соколы, в небе соколы,
Вьются-кружатся надо мной,
Возле берега над осокою,
Над широкою над рекой.

Раздается свист да условленный:
— Гей вы, соколы, да за мной! —
И бросаются по-над волнами
Птицы-соколы в смертный бой.

1942

Орлиная семья

В далекий путь идет
Наш грозный самолет.
Дрожит трава,
А синева
С тобою нас зовет.

Морская бьет волна,
А жизнь у нас одна.
Нам в ночь лететь,
Вперед смотреть,
Пусть ночь темным-темна!

Для нас желанный дом —
Родной аэродром.
Не раз в огне
На стороне
Мы думаем о нем.

Налей стакан вина!
Любовь у нас одна
Есть милый дом,
И в доме том
Нас ждет всегда она.

Да будет жить моя
Орлиная семья!
Чтоб каждый мог
Смотреть, дружок,
Как дружим ты да я!

1943

ХОДЯТ СОКОЛЫ

Ходят соколы, в небе соколы,
Вьются-кружатся надо мной,
Возле берега над осокою,
Над широкою над рекой.

Ждут призывного крика-посвиста
От товарищей, от друзей,
Чтобы броситься, в битву броситься
Да на врага стаяй всей.

Ходят соколы, в небе соколы,
Вьются-кружатся надо мной,
Возле берега над осокою,
Над широкою над рекой.

Раздается свист да условленный:
— Гей вы, соколы, да за мной! —
И бросаются по-над волнами
Птицы-соколы в смертный бой.

1942

ТРИ ВНУКА

У бабушки было три внука.
Красивых и славных собой.
Их с детства морская наука
Прельстила суровой судьбой.

А ну-ка, а ну-ка,
У бабушки было три внука.

Ходить в океаны,
Во флоте служить,
В далекие страны
С эскадрою ходить.

А ну-ка, а ну-ка,
У бабушки было три внука.
Вот так штука,
Красота!

Один был хозяйственным, деловым,
Другой был всегда боевым,
Стал коком один корабельным,
Другой стал тогда рулевым.

А ну-ка, а ну-ка,
У бабушки было три внука.

А третий красою
Морскою блистал,
Однажды весною
Вдруг боцманом он стал.

А ну-ка, а ну-ка,
У бабушки было три внука.
Вот так штука,
Красота!

Собрались под мирною кровлей
Здесь все, словно в детстве, свое.
— Ну, как же, бабуся, здоровье,
Скажи, дорогая, твое?

А ну-ка, а ну-ка,
У бабушки было три внука.

Ее обнимают,
Аж кости трещат...
— Ой, ой, помираю
От ласковых внучат!

А ну-ка, а ну-ка,
У бабушки было три внука.
Вот так штука,
Красота!

Бабусе они помогают,
Как будто аврал боевой:
Один пироги выпекает,
Ворочает стол рулевой.

А ну-ка, а ну-ка,
У бабушки было три внука.

Бабуся смеется,
Смеется сосед,
Командует боцман:
— Свистать всех на обед!

А ну-ка, а ну-ка,
У бабушки было три внука.
Вот так штука,
Красота!

КАЛИНА

Не шуми, печальная калина,
Не клонись ветвями до земли..
Мы опять в родимые долины
По путям войны домой пришли.

Где ты, дом отцовский мой, сердечный!
Лебедой дорога заросла.
Как же ты, калина, сторож вечный,
От огня мой дом не сберегла?

Скоро мы в родной сторонке милой
Вновь увидим трубы новых крыш,
И опять, червонная калина,
Ты в окно ветвями постучишь.

1945

РАСЦВЕЛА СИРЕНЬ

Расцвела сирень, черемуха в саду
На мое несчастье, на мою беду.
Я в саду хожу, хожу
Да на цветы гляжу, гляжу,
Но никак в цветах я милой не найду.

Чтобы мне ее в саду здесь отыскать,
Видно, все цветы придется оборвать...
Ты не прячь, не прячь, сирень,
Моей милой в ясный день,
Не мешай любовь мою ты целовать.

Только я к цветам притронулся рукой —
Слышу рядом голос нежный, дорогой:
— Ты, сирень, оставь, оставь,
Да пусть она в цветах, в цветах,
Лучше мы в саду да скроемся с тобой.

1946

ПАРОВОЗ

Паровоз, паровоз
Да с вагонами.
Пар идет из-под колес
По-над склонами,
По-над шпалами,
По-над рельсами,
Над обвалами
Мчится рейсами.

— А куда же идешь
Ты долинами?
А чего же ты везешь
Днями длинными?
Днями светлыми,
Днями хмурыми,
Вместе с ветрами,
Вместе с бурями?! —

— Я иду, я иду
Степью ровною.
На платформы я кладу
Цемент с бревнами,
Уголь с балками
Да чугунами,
Да с машинами
Хитроумными. —

— Кто ж ведет паровоз
Да с вагонами
Под сияньем синих звезд
Перегонами?
По дистанции
В черном панцире
В путь от станции
И до станции? —

— А ведег паровоз
С кочегарами,
Сквозь метели и мороз,
Ночью с фарами
Машинист один
В черном кителе,
Что входил в Берлин
Победителем.

1947

ЗАДРАВНАЯ

Пусть за нашим столом
Песни гремят не смолкая,
Как беспокойные
Волны прибойные,
Солнцем полдненным сверкая.

За широким столом
Юность мы вспоманем,
Годы бурливые,
Годы счастливые
Ныне помянем вином.

Ходи, наша чаша, по кругу, по кругу
Ходи, наша чаша, от друга до друга!
Вино золотое пусть ярче горит
И стол наш широкий весельем кипит!
Ходи, наша чаша, от края до края,
Огнем искрометным, как солнце, сверкая!
Ходи, наша чаша, по кругу, по кругу
И каждому счастье неси!

Мы с подругами вновь,
С ними опять повстречались.
Тропки далекие,
Горы высокие
Где-то вдали затерялись.
Отгремела гроза,
Вновь сияют глаза,
Слышим родимые,
Неповторимые
Наших подруг голоса.

Ходи, наша чаша, по кругу, по кругу,
Ходи, наша чаша, от друга до друга!
Вино золотое пусть ярче горит
И стол наш широкий весельем кипит!

Ходи, наша чаша, от края до края,
Огнем искрометным, как солнце, сверкая!
Ходи, наша чаша, по кругу, по кругу
И каждому счастье неси!

Собрались мы, как встарь,
Снова сошлись, как бывало.
В небе лучистая,
Ясная, чистая
Счастья звезда засияла.
За широким столом
Мы беседу ведем
И за свидания
И за мечтания
Чашу глубокую пьем.

Ходи, наша чаша, по кругу, по кругу,
Ходи, наша чаша, от друга до друга!
Вино золотое пусть ярче горит
И стол наш широкий весельем кипит!
Ходи, наша чаша, от края до края,
Огнем искрометным, как солнце, сверкая!
Ходи, наша чаша, по кругу, по кругу
И каждому счастье неси!

ЗДРАВСТВУЙ, СТОЛИЦА!

Золотом жарким горит небосвод,
Улицы все заливая лучами.
Солнце над башнями
Кремлевскими встает
И к Маяковской спешит с москвичами.

Здравствуй, столица, здравствуй, Москва!
Здравствуй, московское небо!
В сердце у каждого эти слова,
Как далеко бы он ни был:
Здравствуй, моя столица,
Здравствуй, Москва!

Утро ведет нас дорогой прямой —
Улицей светлой, просторной и новой —
К центру кипящему,
Бурлящему волной,
К вздыбленным коням на площадь Свердлова.

Здравствуй, столица, здравствуй, Москва!
Здравствуй, московское небо!
В сердце у каждого эти слова,
Как далеко бы он ни был:
Здравствуй, моя столица,
Здравствуй, Москва!

Как ты чудесен и как ты хорош
В шуме своем, замечательный город!
Слово заветное,
Приветное найдешь
Каждому, кто тебе близок и дорог.

Здравствуй, столица, здравствуй, Москва!
Здравствуй, московское небо!
В сердце у каждого эти слова,
Как далеко бы он ни был:
Здравствуй, моя столица,
Здравствуй, Москва!

ОТ КРАСНОПРЕСНЕНСКОЙ ЗАСТАВЫ

От Краснопресненской заставы,
Где внешних зорь горят лучи,
Дорогой доблести,
Дорогой славы
Шли в бой суровый москвичи.

Еще не смяты гимнастерки,
Но опален войной закат.
Прощай, любимая,
Прощай, Трехгорка,
Не забывай своих ребят...

Мели военные метели,
Прошла в боях войны гроза,
И над Берлином
Уж отгремели
Орудий наших голоса.

Вновь подмосковные пригорки,
В тени берез Москва-река,
И снова нас к себе
Огни Трехгорки
Зовут, зовут издалека.

Над Краснопресненской заставой
Огни труда всегда горят.
Знамена доблести,
Знамена славы,
Как ветер Родины, шумят.

1947

ПО-ЗА ДНЕПРОМ

По-за Днепром
Весенний гром,
Широкие раскаты...
Цветет земля,
Лежат поля,
Бугры да перекаты.

У двух дорог,
Где дуб высок, —
Солдатская могила;
И степь над ней
От всех друзей
Цветы свои склонила.

Здесь ветер пел,
Огонь летел,
Металось в поле пламя;
И за рекой
Суровый бой
Был над осердами.

... Цветет земля,
Лежат поля,
Бугры да перекаты.
... А за Днепром
Весенний гром,
Широкие раскаты.

1949

ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЮНОСТЬ!

Пускай за окошком пороша
Над белым простором метет, —
И с песней веселой
И с дружбой хорошей
Вперед наша юность идет.

Мы чувствуем локоть друг друга,
И сердце пылает огнем,
Мой верный товарищ,
Родная подруга,
Мы смело по жизни идем!

Да здравствует юность! Да здравствует счастье!
Да здравствует солнце орлиных высот!
Мы вышли в дорогу, Отчизны питомцы,
Нас юность на крыльях широких несет!

Салы по весне расцветают,
В полях зеленеет трава,
И к синему небу,
Как птицы, взлетают
О Родине нашей слова.

Пусть песня гуляет по свету
О будущем светлой мечтой,
И Родина наша
От лета до лета
Цветет, словно сад молодой.

Да здравствует юность! Да здравствует счастье!
Да здравствует солнце орлиных высот!
Мы вышли в дорогу, Отчизны питомцы,
Нас юность на крыльях широких несет!

КОМСОМОЛ

Комсомол! Нашей доблестной партии сын!
Комсомол, ты великой страны гражданин.
И с тобой, комсомол, всей страны молодежь,
Ты за партией Ленина—Сталина смело идешь!

Комсомол! Ты в труде и в борьбе впереди;
У тебя ордена на широкой груди!
Ты рожден, комсомол, в светлый день Октября,
На знаменах твоих полыхает, как пламя, заря!

Комсомол! Ты сражался в суровом бою
За народ, за родную Отчизну свою,
В мирный день, комсомол, ты на фронте труда,
Ты на стройке большой, полный сил молодых, как
всегда!

Комсомол! Над тобой звезды счастья горят,
Над тобой тополя молодые шумят;
У тебя, комсомол, все дороги — вперед!
Сталин верит в тебя и к победам великны ведет!

1948

БАТОЖОК

I

Отправляясь на войну,
 Казачок спросил жену:
 — Что же ты, моя зазноба,
 Мне подаришь в грустный час,
 Чтобы мог тебя до гроба
 Вспоминать я каждый раз,
 Где бы ни были: в степи ли,
 Поздней осенью ль, весной,
 Что б ни ели, что о ни пили,
 Чтоб была всегда со мной,
 Чтоб я полную неделю
 Косу черную видал,
 На земле ли, на коне ли
 Косу эту вспоминал? —

А казачка промолчала,
 Головою покачала,
 Казаку на грудь припала
 И тогда лишь отвечала:
 — Я не знаю, как мне быть,
 Что в дорогу подарить.
 Если трубку из дубка, —
 Это есть у казака;
 Если кожаный кисет, —
 Так такой и кожи нет,
 Чтоб напомнить помогла бы

В час ночной у огонька,
Какова ладонь у бабы,
Что ласкает казака;
Если подарить платок,
Завязавши узелок,
Выстрочить его и вышить,
Чтобы мог в бою ты выжить, —
Так такого нет платка,
Чтобы спрятал казака!
Не спасет от грусти,
Где б его ни держал;
Грусть и грусть — все пропустит:
Очень тонкий матерьял.
Я б такое подарила,
Чтобы вечно рядом было.
Шашку, что ли? Так уж есть.
Пуль свинцовых? Их не счесть.
Иль уздечку, что звенит? —
Конь занузанный стоит.
Я такое подарю,
Чтобы ты, беды не зная,
Черну косу вспоминая,
Мне сказал: «Благодарю!» —

Тут казачка повернулась,
В хату белую пошла, —
Тем же часом и вернулась
И подарок подала.
— Принимай-ка мой дружок,
Сей ременный батожок.
Он на косу тем похожий,
Что одной рукой плетен.
Он хотя из бычьей кожи,
Но зато все может он!
Он в бою тебе послужит
И в атаку повлечет,
Если надо — он задушит,
Если надо — засечет, —
Не забудешь никогда,
Заплетен он в три ряда. —

Тут они расцеловались,
Больше часа обнимались,

В хату вместе уходили,
Больше часа в хате были.
А потом казачка вышла
С расплетенною косой,
Ветра буйного не слыша
Над осеннею листвою.
И за тонкую уздечку
От ивового плетня
Подвела она к крылечку
Темнорыжего коня.
Взял казак уздечку горстью
И сказал: — Прощай, жена! —
О луку рукой оперся,
Стал ногами в стремя.
Тронул тихо поводами
И поехал он садами
Да осенними полями,
Стремями поводя.

С двух сторон поля лежали,
Ветры с двух сторон бежали,
И в дорогу провожали
Капли крупного дождя.
А на правой стороне,
На вите винтом ремне,
Вниз стекал, как ручеек,
Тонкий жесткий батожок:
Светложелтый, сыромятный,
Гладко сделанный, опрятный,
Заплетенный в три ряда, —
Не забудешь никогда.
...Ой, казаче, ой, дружок,
Ой, ременный батожок,
Что вас встретит, обожжет,
Что вас в чистом поле ждет?

2

Месяц, два прошли, полгода;
Отмела бела-зима.
Жил казак в боях, походах
От письма и до письма.

Белый мятый треугольник
С кратким знаком ППС, —
Где б ни мчался в поле конник, —
Шел ему наперерез;
Чуть левее Таганрога
Да правей Кривого Рога,
Возле города Каховки,
У деревни Михайловки,
У Большого Токмака
Догонял он казака
И настиг в последний раз
В Приднепровье, у Черкасс.
Изменяется маршрут, —
Кони топнут и — пойдут.
Эскадронами поскачут,
Только травы в поле плачут
И к земле, сгибаясь, льнут...
Только вверх взметнутся птицы
Да кубанки, как зарницы,
Над полынью полыхнут.

Как письму поспеть за ними,
Коли новый все маршрут?
Но дорогами своими
Письма все-таки идут.
Не притти письмо не может,
Как его ты ни держи,
Бедь его любовно сложат,
Поцелуют от души...
Ну-ка, после удержки!
Оттого у казака
В желтой сумке полевой
Не случайная строка,
А почтамт похотный свой.
есть письмо и — все в порядке;
Видишь, верный батожок,
Ученической тетрадки
Разлинованный листок?
В нем тебе большой привет,
Что еще в письме, — секрет!

Верный спутник батожок —
 Казаку везде дружок.

...В поле, немцев догоняя,
 На коне казак скакал;
 Пуля свистнула шальная. —
 Конь споткнулся и упал.
 С двух сторон к нему по полю
 Скачут немцы... Пыль встает.
 Посмотрел казак на волю, —
 В руки автомат берет.
 При паденье смято дуло,
 Не пригоден автомат!..
 Поле полно грозным гулом...
 Что ж ты, парень, что ж ты, брат?
 Неужели бой оставишь
 И погибнешь ни за грош,
 Иль казачество ославишь —
 В плен к фашисту попадешь?
 Двое немцев — с двух сторон, —
 Автомат бросает он.
 — Ах вы, гады! «Языка»?
 Захотели казака!? —
 Шашки острой рукоять
 От ладони не отнять.
 Батожок в другой руке,
 Туго сжатый в кулаке.
 Пусть теперь подходят, пусть!
 И, метнувшись вправо разом,
 Под боярышника куст,
 Он ложится в поле наземь.
 Бело-желтая ромашка
 Закачалась перед ним,
 К ней, к траве, прильнула шашка
 Сипим лезвием своим.
 Это только на минуту,
 А в другую, смерть кляня,
 Поднялся казак и — круто
 На немецкого коня
 Он метнулся.

Батожок

Морду конскую ожег.
Конь поднялся на дыбы.
Эй ты, враг... От судьбы
Не уйти тебе, не скрыться,
Шашки свист не задержать, —
Не подняться, а лежать
С перебитой поясницей
Меж ромашек полевых,
Белых, солнечных, живых...

Но второй по полю мчится, —
Вот он, рядом, жизни край!..
Ах, Цымлянская станица,
Вспомни парня, выручай!
Белый конь летит по травам,
Полынок копыта мнут.
Звали парня в жизни Саввой,
Как же после назовут?

Говорили: — Савва, Савва,
За тобою ходит слава,
Ходит рядом, по пятам.
Говорили: — Савва, Савва,
Ты налево глянь, направо,
Всюду слава — тут и там.
А какая же это слава —
В поединке умереть
И, примяв степные травы,
Словно льдинка замереть!

Белый конь летит по травам,
Немец бьет в упор с коня.
Перебили руку Савве,
Шашка выпала звеня.
Вскрикнул казачок от боли,
Посмотрел на чисто поле.
Сделал шаг, затем прыжок...
— Бей, ремешный батожок,
По сусалам, по глазам,
По зубам и по усам,

Бей по морде деревянной!
Что попортишь — не беда!

Бей, родимый, бей. ременный,
Заплетенный в три ряда;
Мой товарищ, мой дружок,
Бей, ременный батожок! —

Взвился конь, ударил задки.
Немца вышиб из седла...
Гутен морген, все в порядке,
Вот какие, брат, дела!
Немец сел и поднял руки,
Охнул тяжело и вздохнул,
На разорванные брюки
С удивлением взглянул.
И сказал казак ему:
— Гутен морген, вы в плену! —
И пошли они по полю,
По зеленому пешком...
Позабыл казак о боли
И ремненным батожком
Бил да бил по голенищу,
Замечая всякий раз —
Батожок едва просвищет,
Пленный сникнет в тот же час.

Из пучки из травы зеленой,
Что открытою была,
Стружкой тонкою багряной
На ромашки кровь текла.
И ромашки принимали
На себя казачью кровь
И венцами вслед качали
В чистом поле меж холмов...

А вдали труба играла,
Казачьих к себе сбирала,
Пела тонко, как рожок...
Плыл над степью, над цветами,
Над зелеными лугами
Неподкупный батожок,
Заплетенный в три ряда, —
Не забудешь никогда!

Туча в небе пронесется,
 Станет чистым небосвод;
 И казак домой вернется,
 К хате белой подойдет.

Тронет темную щколду,
 Дверь плечом нажмет слегка
 И войдет, тревоги полный...
 — Принимайте казака!

Тут жена метнется к Савве
 И зальется вмиг слезой,
 О солдатский орден Славы
 Чуть зацепится косою.

И пойдет по всей станице
 Разговор да перебор.
 Будут Саввой все гордиться
 На сто лет от этих пор.

— Ай да Савва, ну и Савва!
 Парень бравый, с головой.
 Заработал орден Славы
 Да еще пришел живой. —

И расскажет Савва с сердцем,
 Как с германцем воевал,
 Как в бою с проклятым немцем
 Батожок его спасал.

Как жена его дарила,
 Как, прощаясь, говорила:
 — Заплетен он в три ряда, —
 Не забудешь никогда. —

И повесит над кроватью
 Он ременный батожок,
 Чтобы помнить и в объятьях,
 Как спасал его дружок,

Что степною повиликой
Вился вслед, где ни бывал, —
О жене, любви великой
Всюду он напоминал.

Ой, ременный батожок,
Ой, казачий наш дружок!

1944

М И У С

I

Я взойду на курган,
Оглянусь
Сквозь рассветный туман
На Миус.
В сорок первый я год
Оглянусь, —
Снова поле встает
И Миус.
Побываю я в сорок
Втором, —
Слышу пороха запах
И гром.
В сорок третий я сердцем
Вернусь, —
Снова ветер и снова
Миус.
На колени я встану тогда,
К травам теплым щекою прижмусь;
На года, на года, на года
Верным памяти быть поклянусь:
Этим травам степным и драм,
Этим желтым крутым берегам,
Этим серым дорогам в пыли,
По которым мы много прошли,
Этим милым могилам родным,
Отбравшим навеки у нас
Тех, кто хлебом делился ржаным
С нами в трудный, немыслимый час...
На высоком скрипучем
Возу
Память словом певучим
Везу.
Сколько лет мне везти,
Сколько дней

По широкой степи
По моей?
Вот от этой могилы степной
Мир был начат великий земной.
Я взойду на курган,
Оглянусь
Сквозь рассветный туман
На Миус...

* * *

Здесь было поле боя. Поле славы
Спускалось к обагренным берегам,
Отсюда шел налево и направо
Рубеж, деливший землю пополам.

Здесь выросли над полынком печальным,
Как будто бы терновника кусты,
Ряды звенящей, спутанной, спиральной
Железной проволоки. Желтые цветы

Не отшатнулись от нее, а стали
Подругой ей у смертных берегов,
Хотя она была из той же стали,
Что их рвала на тысячи кусков.

Здесь было поле боя, поле смерти,
За пядь земли бессмертная борьба.
Отсюда шла, укрытая в конверте,
Сиротская горячая судьба.

На этой глине, обагренной кровью,
Не в силах все земное позабыть,
Мы замолкали вдруг на полуслове,
Чтоб никогда не видеть, не любить.

Здесь было поле боя, поле жизни
Моих детей на сотни лет вперед.
Здесь было все, чем мы своей отчизне
Могли служить в тот тяжкий, темный год.

Здесь были моряки. Они на суше
Пехоте были лучшие дружки;
Из гимнастеров их морские души
Мелькали, словно в море гребешки.

Веселые, во всей красе и силе,
С морскойю солью в сердце и в крови,
Они с собой, как талисман, носили
Морские бескозырочки свои.

Окопы называли «полубаком»,
И несмолкавший над Миусом бой.
Идя огрядом в союую атаку,
«Авралом» называли меж собой.

Здесь были степняки и были горы,
С Дуная люди, с Волги, с Иртыша,
Днепровцы и азовцы, черноморцы,
Морская слава, русская душа!

И с ними был, служил в морской пехоте,
Моряк из Ейска, парень молодой,
И в плаванье, в сражение ли, в походе
Носил гитару вечно он с собой.

Он звал ее «подружкой семиструнной»
И пел, вилетая в наши голоса:
«Мы в жизни ходим, словно по бурунам,
Крепи, матрос, под ветром паруса!

Не жди, матрос, ты в плаванье покоя,
Не жди от моря сна и тишины!
Сжимаи штурвал обветренной рукою,
Взлетай на гребень бешеной волны!»

Он был любим, как баловень, друзьями
И отвечал всем дружбой золотой,
Русоволосый, с синими глазами,
С душой еще мальчишеской, простой.

Миус, Миус, кто знал тебя когда-то?
Ты стал для нас исходом и судьбой, —
Полынный, ржавый, скопченный, горбатый
Поднялся левый берег над тобой.

Над темною кипящею водою,
Прошитою осколками до дна,
Над острою грядой береговой
Вставала ночь весенняя, темна,

Наполненная запахами мяты,
Стенных фиалок, молодой травы, —
Всем тем, что душит в тишине солдата
И шелестит у самой головы.

Миус, Миус, ты видел, как однажды,
Когда прошел артиллерийский гром,
Моряк, с губами серыми от жажды,
Склонился возле хаты над ведром.

А рядом с ним стояла и смотрела,
Чему-то улыбаясь своему,
Дивчина с кожей темнозагорелой,
С глазами, будто в тающем дыму.

Он разогнулся и сказал: «Спасибо»,
И вытер губы и отпил опять.
Ему пора уже, но он не в силах —
И ни уйти, и слова ни сказать.

Так он стоял, смотрел, не отрываясь,
Вокруг не замечая ничего:
Он словно в жизни не видал красавиц,
И это была первая, е го.

Так было суждено и так случилось,
Исполнен был их юности зарок,
Ковыль-трава им в поле поклонилась,
И лег под поги тихий полынок.

Миус, Миус, всему ты наш свидетель,
Войдешь ты в свод тисненный, золотой.
Ты помнишь, как свистел над степью ветер,
Над той крутой Сто первой высотой,

Как выл свинец, как резали осколки
Траву и камень, глину и песок,
Как падали средь трав, осенних, колких,
Зажав рукой простреленный висок.

Миус, Миус, ты помнишь, как бежал он,
Моряк русоволосый, молодой,
Уже не с автоматом, а с кинжалом
Над острой, каменистою грядой.

Как за спиною на его гитаре
Подрагивали струны на ходу
И как упал он, будто кто ударил
Его лицом о желтую грядку.

Но он пополз, — на камнях оставляя
Кровавый след, — на гребень высоты.
И кровь его, горячая, живая,
Кропила неумершие цветы.

И он пополз, рука его разжалась.
И замер он навеки, молодой, —
И бескозырка на камнях осталась
Над той крутой Сто первой высотой.

II

*Я взойду на курган.
Оглянусь
Сквозь рассветный туман
На Миус...*

Мы едем по степи. Дорога вьется,
Шныряет меж курганов и холмов,
Меж красноватых каменных колодцев,
Среди укрытых вишнями домов.

Скрыты вozy с пшеницей золотого.
Быки идут лениво по пыли;
Степным дурманом, травяным настоем
Нас манит поле желтое вдали.

Здесь шла война. Прошла путем великим.
Вновь тишина. Лишь видны кое-где
Обломки пушек вражьих в повилике,
В ромашках белых в серой лебеде.

Миуем стаю ветряков крылатых,
Они нам машут вслед издавека, —
И вот с холма, степного переката
Миус мы видим — лезвием клинка.

Сюда пришли когда-то запорожцы,
Один из них, что был высок и рус,
Сказал: — Так бацьте, бацьте тико, хлопцы,
Здесь ричка вьется, будто бы мий ус. —

С тех пор Миусом, говорят, назвали
Степную речку с темною волной,
Лежащую на долгом перевале
Меж Доном и Украиной степной.

На минном поле — вновь бахча и дыни,
Дубовки созревают в духоте,
В чуть горьковатом запахе полыни,
На темном лежа шерстяном листе.

Арбузы зреют. Полосатой кожей
Они напоминают камуфляж...
А вот остаток дота, он был сложен
На месте том, где ныне встал шалаш,

Командный пункт — КП седого деда,
Живущего на свете сотый год,
Который видел, как пришла победа
Сюда, к Миусу, и пошла вперед.

Здесь мир теперь. Среди этих светлых хаток
Он вновь себе пристанище нашел.
Здесь запах вишен и жерделов¹ сладок,
Как запах улья под жужжаньем пчел.

Стоит жара. К одной из хаток белых
Я подхожу и вижу у ворот —
Дивчину с кожей темнозагорелой
И головы знакомый поворот.

Я знал ее... Я здесь бывал когда-то.
Черты я помню милого лица...
Как будто тень матросского бушлата
Лежит ковром широким у крыльца.

Сидит малыш у хаты, — как льняная,
Пушистая, в кудряшках, голова;
В глазах его знакомая, стальная,
Но чистая, как море, синева.

¹ Жерделы — абрикосы.

Глаза такие я встречал однажды, —
Их в этой хате посреди села
Дорожная, настойчивая жажда
Когда-то без ошибки привела.

Мы узнаем друг друга постепенно,
Мы входим в дом и вдруг — передо мной, —
Как будто бы восставшая из тлена, —
Висит гитара с порванной струной.

А над гитарой, лентой обвивая
Помятый гриф, бывлой певучий строй,
Поникла бескозырка боевая,
Сверкая тускло алою звездой.

Пройдут года... И дни другие сменят,
И, может, как отец, в родном краю
Сын бескозырку старую наденет
На стриженую голову свою.

Отцу он будет по годам ровесник,
Пойдет ему всего двадцатый год,
И матерью переданную песню
Он, как отец, бывало, запоет:

«Не жди, матрос, ты в плаванье покоя,
Не жди от моря сна и тишины;
Сжимай штурвал обветренной рукою,
Взлетай на гребень бешеной волны!»

Он будет петь, высокий, русский юный,
И будет слушать степи и леса:
«Мы в жизни ходим, словно по бурунам,
Крепи, матрос, под ветром паруса!»

Миус, Миус, рубеж великой славы,
Среди огня, цветов и мертвых трав
Ты встал навек, простой и величавый,
Для вечной жизни смертью смерть поправ.

Пусть пред тобой земной простор играет,
Зеленый, голубой и золотой,
Пусть памятник бессмертию сверкает
Над той крутой Сто первой высотой!

1945

СОДЕРЖАНИЕ

Слово Сталина	3
-------------------------	---

I. Современники

Москва	13
Марш победителей	15
Огни пятилетки	17
Весна трактористок	19
Скоростные самолеты	20
Доблесть	22
Опускная бюллетень	23
Комсомольское племя	25
Современник	27

II. Сторона Донская

Лоза	30
Медвежье ухо	32
Седло	36
Табунщик	37
Бахчевник	39
Кадушка	41
Подсолнух	43
Теплая вода	44
Обломок пушки	45
У реки	46
Пороховые погреба	47

III. Казачья слава

Дон	49
«У каждого из нас в стране родной»	51
Казачья слава	53
Партбилет	55
Трое	56
Горобец	59
Сказ про Доватора	61
Конь Бандуры	64
Бессмертник	66
У донской излучины	67
Земля твоя	69
Казаки за бугром	71
Дубок и Грачев	73
Волноваха	76
На могиле Кочубей	78
Каша	80
Здравствуй, Дон!	82

IV. Молодое вино

Вишня	84
Ручей	86
Огонь	88
Полынок	90
«Лесны знакомые приметы»	91
На кирпичном заводе	93
На старом винограднике	94
Каравай	96
Бурка	98
Лаз	100
Молодое вино	102

V. Зима в лесу

Письмо через фронт	104
Всадник	106
Следы	108
Кто идет?	110
Елка	111
Рябина	112
Подснежник	113

VI. Перед знаменем

Хутор Русский	115
Таманские лиманы	117
Стень	118
«День был и страшным и трудным»	119
Сухарь	120
Мы ласкаем чужих детей»	121
Берсая	122
Слово о дружбе	123
Письмо с Мысхако	125
Вперед!	126
Полдень	127
Конец войны	128
Перед знаменем	129
Сад	131
На перевале	132
Весна на юге	135

VII. Над берегом Черного моря

Гост дружбы	137
Сын	139
Поток	140
Строители дорог	141
Буйволы	142
над берегом Черного моря	143

VIII. Кама — Волга

Танкер	144
Плотогон	146
Землечерпалка	148
В старом затоне	150
Есть на Волге утес	152
«Ванцетти»	153

IX. Песни

Как у дуба старого	155
По Дону гуляет казак молодой	156
Казачья круговая	157
Беседа	159

Через мост	160
Краснотал	161
Шелюга	163
Кавун	164
Песня о двадцати восьми	166
Песня о пинели	167
Споём, товарищи!	168
Пой, играй, гармошка	170
У лесной опушки	172
Саловник	174
Ростов-город	175
Шумел сурово Брянский лес	176
Голубое доньшко	177
Меж сосновыми лесами	179
Орлиная семья	180
Ходят соколы	181
Три внука	182
Калина	184
Расцвела сирень	185
Паровоз	186
Заздравная	188
Здравствуй, столица!	190
От Краснопресненской заставы	191
По-за Днепром	192
Да здравствует юность!	193
Комсомола	194

Х. Поэмы

Батожок	195
Миус	204

Переплет и титул
Художника К. Буrowa

Редактор Д. Юферев
Худож. редактор Н. Мухин
Техн. ред. Г. Архангельская
Корректор М. Зевин

*
Сдано в набор 31/I-1950 г.
Подписано к печати 10/IV-1950 г.
Бумага 84×108³/₄ = 3,375 бум. л.
11,07 + 1 вклейка, печ. л. 7,55 уч.-изд. л.
А-02678.

Тираж 25 000 экз. Заказ № 1203
Цена 6 руб. 50 коп.

*
4-я типография им. В.И. Соколовой
Лавнополиграфиздата при Совете
Министров СССР, Ленинград,
Немановский пр., 29.